

# **Бенефис мартовской кошки**

**Автор:**

Дарья Донцова

Бенефис мартовской кошки

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #16

Даше Васильевой катастрофически везет на трупы!.. Только она согласилась пойти на концерт классической музыки с импозантным мужчиной Стасом Комоловым – и вот он уже труп. В антракте Даша бегала для него за водой и каплями, думала, ему от духоты плохо, а он возьми да помри. А на следующий день к ней домой заявились менты. Они явно подозревают Дашу в убийстве. Что же делать? Конечно, бежать! И вот она уже на Курском вокзале с саквояжем в одной руке и мопсом Хучем – в другой. За спиной у любительницы частного сыска не одно раскрытое преступление, а потому она и на этот раз не вешает нос, а решительно берется за дело...

Дарья Донцова

Бенефис мартовской кошки

Глава 1

Если вы проснулись в плохом настроении, а на улице хлещет дождь, то лучше всего устроить себе маленький праздник. Сначала принять расслабляющую ванну, потом спокойно выпить кофе и отправиться шляться по магазинам.

Представляю бурю негодования, которая сейчас обрушится на мою голову. «Да мы работаем», – закричит подавляющая часть женского населения. Это верно, только отвратительное состояние души и тела вполне извиняющее обстоятельство для небольшого обмана. Даю простой совет. Зажимаете двумя пальцами нос и старательно гундосите в трубку:

– Извините, Иван Иванович, у меня жуткий насморк, кашель, очевидно, грипп начинается. Наверное, опоздаю на часок, хочу забежать в аптеку.

Сто против одного, что ваш начальник недовольно буркнет:

– Сиди дома, нечего заразу в коллектив приносить.

Вот и получится лишний выходной и не стоит испытывать никаких угрызений совести, выбегая через пару часов на улицу. Служба от вас никуда не денется. Завтра как ни в чем не бывало предстанете перед светлыми очами Ивана Ивановича и, потупившись, сообщите:

– Антибиотик приняла, американский, жутко дорогой, мигом на ноги встала. Конечно, вредно небось, но ведь работа для меня важнее здоровья.

И потом, вы же нечасто проделываете подобные штуки. Я, например, в бытность преподавательницей французского языка совершала такие «побеги» раз в два, три года. От души рекомендую, это очень помогает поднять настроение. Если нет свободных денег, можно провести денек дома, валяясь на диване и почитывая любимые книжки, или отправиться к подружке и самозабвенно посплетничать. Только упаси вас господь проводить этот день, как обычный выходной, не следует кидаться к плите, стиральной машине или пылесосу. Более того, ни мужу, ни детям, ни свекрови, ни любовнику не надо ничего рассказывать. Пусть они считают, что вы, как всегда, ломались за оклад. Поверьте мне, такой кульбит даст вам огромный заряд бодрости.

Вот почему я сегодня решила удрать от своей семьи. Правда, мне намного легче, чем другим, потому что я нигде не работаю и в принципе могу каждый день проводить как хочу. Но это только в принципе, а на самом деле выходит совсем не так. В нашем доме проживает слишком много народа, и члены «стаи» постоянно находят для матери какие-нибудь дела. На этой неделе пришлось с раннего утра до позднего вечера носиться по детским садам. Мои внуки, Анька и

Ванька, достаточно подросли, и Ольга решила, что им неплохо бы начать общаться со сверстниками. При этом она хочет найти детское учреждение, сочетающее в себе полярные вещи.

– Группа человек пять, не больше, – загибала пальцы Зайка, рассказывая мне об идеальном в ее понимании садике, – две воспитательницы, няня, занятия иностранным языком, бассейн, естественно, качественное питание, хорошие игрушки, а главное – никаких деток «новых русских». Очень не хочется, чтобы Анька с Ванькой научились растопыривать пальцы и начали говорить Ирке: «Эй, ты, подай жрачку!»

– Видишь ли, – осторожно ответила я, боясь вызвать Зайкин гнев на свою голову, – во всяких «Крохах» и «Малышах», ну в таких местах, где на пять детей приходится две воспитательницы с няней, как раз и скапливаются «новорусские» отпрыски.

Ольга замерла, потом с возмущением воскликнула:

– Вот! Я знала, что ты все поймешь не так! Я хочу, чтобы мои дети выросли нормальными людьми, поэтому и собираюсь отдать их в самый обычный, районный садик!

Я уставилась на Зайку.

– Самый обычный, районный садик? С бассейном, занятиями английским языком, качественным питанием, хорошими игрушками и группами детей из пяти человек, на которых приходится две воспитательницы и няня? Зая, ты с крыши не падала?

Ольга покраснела:

– Это ты отстала от жизни! Такие садики есть, просто надо поискать как следует. Займись, тебе все равно нечего делать!

– Даже и начинать не стану, таких мест нет!

– А вот Неля Крюкова для своей невестки постаралась, – отрезала Зайка, – Неля любит Ленку и Пашку, она понимает, как важно...

Не дослушав Ольгу, я схватилась за телефон и, набрав номер, заорала:

– Нелька, в какой чудо-садик ходит Пашка?

– Нормальное место, – затарахтела подруга, – нам нравится. Детей мало, всего четыре человека, воспитательницы милые, нянечка-душка, бассейн, английский, французский, пони...

– Пони?!

– Ну да, такие маленькие лошадки, не знаешь, что ли?

– Конечно, знаю. Скажи, сколько стоит сей райский уголок?

– Семьдесят два рубля.

– В час?

– Ты чего, Дашка, – взвизгнула Неля, – совсем у тебя от богатства башню сорвало. Не все же такие, как вы! Кое-кто и в бюджетной организации работает. В месяц, конечно!

– В месяц? – совсем растерялась я. – Ты уверена?

Бассейн, пони, нянечка-душка и меньше чем за сто целковых? Такого просто не бывает.

– Подскажи адресок этого удивительного места.

– Рублевское шоссе, – затарахтела Неля.

Так, этот садик еще и в лесопарковой зоне!

– Только тебя туда не возьмут, – закончила Крюкова.

– Почему? Очередь большая?

– Да нет, он ведомственный.

– И кому принадлежит это райское местечко? Какому заводу или фабрике?

– Администрации президента! – радостно выпалила Крюкова. – Ленкин муж ведь...

Я положила трубку. Чудес не бывает!

Зайка, слушавшая разговор, дернула плечиком.

– Все равно, есть хорошие садики!

Всю неделю ваша покорная слуга моталась по городу и сделала неутешительные выводы. Детские муниципальные учреждения выглядят ужасно, меньше двадцати детей на одну воспитательницу не бывает, а те сладкие местечки, где есть пони и бассейны, стоят о-го-го сколько. Впрочем, нет проблем заплатить, у нас есть деньги, но возле ворот этих чудо-садилов плотной кучкой стоят джипы и «Мерседесы», из которых вылезают родители весьма характерного вида. Папы как один в черных рубашках, обтягивающих мощные плечи, а мамы-блондинки ковыляют на высоченных каблучищах, оставляя за собой приторно-сладкий аромат французской парфюмерии.

Зайке не понравился ни один из предложенных вариантов, и она, заявив:

– Кто ищет, тот всегда найдет, – отбыла на свое телевидение.

А я решила устроить себе отдых и, вместо того чтобы рыскать по районам, приехала в самый центр, загнала «Пежо» в паркинг при подземном магазине, который хозяйственный Лужков воздвиг на Манежной площади, и принялась самозабвенно ходить из магазина в магазин, меряя вещи и нюхая духи. Честно говоря, мне ничего не надо, просто хотелось развлечься.

Часов в пять, обалдев от витрин, я забрела в кафе «Манеръ», слопала там торт со взбитыми сливками, выпила капучино и внезапно решила прогуляться по той улице, которая во времена моего детства, юности и большей части зрелости носила имя Герцена. Я давно не хожу пешком, но сентябрьский вечер радовал теплыми лучами заходящего солнца. Очень медленно я дошла до памятника П.И. Чайковскому и села на скамейку. Вокруг роилась толпа: очевидно, в консерватории должен был в ближайшее время начаться концерт. Я не слишком люблю классическую музыку, вернее, плохо понимаю ее, но моя бабушка Афанасия в детстве довольно часто приводила меня сюда. Она считала, что ребенок не должен путать Моцарта с Бетховеном и обязан знать, что Бах писал фуги. Но после ее смерти я ни разу тут не была и, признаюсь, не испытываю никакой потребности посещать просторный зал, украшенный портретами великих композиторов.

Я сидела, наслаждаясь теплым вечером. Оказывается, полно людей, желающих послушать симфоническую музыку. По небольшому пятаку взад-вперед бегало несколько женщин. Они хватали за рукава тех, кто стоял в одиночестве, и с надеждой интересовались:

– Лишнего билетика не найдется?

Потом одна меломанка подлетела ко мне:

– Простите...

– Нет, – покачала я головой, – просто сижу и отдыхаю.

Дама бросилась к мужчине, который сидел слева от меня:

– У вас...

– Нет, – резко ответил дядька, – отвяжитесь.

Я скосила глаза. Красивый, явно дорогой костюм, похоже, от Хуго Босс, ботинки из кожи кенгуру, неброский галстук, за который отдано долларов двести, зажим с бриллиантовой крошкой, одеколон от Шисейдо, и... такая грубость.

Но любительница музыки не обиделась, просто отошла. Очевидно, мужику стало неудобно, потому что он буркнул:

– Надоели, ей-богу, десятый человек подскакивает.

Я не поняла, ждет ли он от меня ответа, и собиралась сказать что-то нейтральное, типа: «Ей просто хочется попасть в консерваторию», но тут у тротуара притормозил шикарный черный лаковый автомобиль. Выскочил шофер и распахнул заднюю дверцу. Показалась стройная нога, обутая в туфельку на бесконечной шпильке, потом из недр «Мерседеса» вынырнула ее хозяйка – молодая дама, одетая в безупречный черный костюм. Светски улыбаясь, она направилась ко мне.

Не секрет, что большинство людей, получив в свое распоряжение деньги, мгновенно начинают одеваться самым диким образом, покупают наряды «от кутюр» и ходят в этих костюмах и платьях на работу или в магазины. Обувь, предназначенную для вечернего выхода, запросто таскают днем и влезают в шубы, подола которых волочатся за ними, словно шлейфы за особами королевской крови. Я уже молчу о драгоценностях. Бриллиантовые серьги стоимостью в годовой бюджет какой-нибудь африканской страны в ушах дамы, вышедшей в одиннадцать утра погулять со своей собачкой, так же уместны, как унты на пляже, но мало кто об этом знает.

Никогда не забуду, как мы отдыхали в Тунисе[1 - См.: Донцова Дарья. За всеми зайцами. Издательство «Эксмо».] и в первый день увидели у бассейна ярко переливающуюся толпу. Золотые цепи, перстни, ожерелья из весьма крупных бриллиантов.

– У вас карнавал? – растерянно спросила Зайка, хватая за рукав пробежавшего мимо официанта. Тот, естественно, принял мою невестку за француженку и зашептал:

– Нет, мадам. Это русские отдыхают, дикие люди, сплошная мафия.

Но дама, шедшая сейчас через крохотную площадь, выглядела безупречно. Элегантный черный костюм, великолепные туфли, чудесно сочетающаяся со всем ансамблем сумочка, небольшая брошь и «естественный» макияж. Либо она пользуется услугами стилиста, либо обладает необыкновенным вкусом. Когда,

продолжая мне улыбаться, дама приблизилась почти вплотную, до моего носа долетел изумительный аромат «Миракль» от «Ланком».

Чем ближе она подходила ко мне, тем лихорадочнее я пыталась вспомнить, откуда знаю эту безупречную красавицу. Вот сейчас она раскроет ротик и прошебечет: «Дашутка, сколько лет, сколько зим!»

И придется, бурно изображая радость от нечаянной встречи, старательно избегать называть ее по имени.

И точно. Дама остановилась у скамьи и нервно воскликнула:

– Стас!

Тут только я поняла, что она улыбалась не мне, а мужику, сидевшему слева. Тому самому, который пять минут назад весьма грубо прогнал тетку-меломанку.

– Арина! – воскликнул он и вскочил на ноги. – Ну наконец-то! Пошли, скоро начало, у нас...

– Стас, – мило улыбаясь, повторила дама, – я никуда с тобой не пойду!

– Не понял, – оторопел мужик. – У тебя изменились планы?

– Нет, – продолжала цвести улыбкой Арина, – просто я сообщаю, что не только в консерваторию не пойду, но и срать с тобой на одном поле не сяду.

Стас шагнул назад, наткнулся на скамейку и рухнул на нее. Арина очень спокойно стащила с правой руки кольцо, швырнула его на асфальт и со всей силы наступила ногой на золотой ободок. Стас молча смотрел на нее. Арина как ни в чем не бывало повернулась и пошла к машине. Шофер, стоявший у иномарки, быстро открыл заднюю дверь. Женщина села внутрь. Через секунду «Мерседес» исчез, за слегка тонированными стеклами невозможно было разглядеть: сидит Арина в салоне одна или там имеется еще кто-то. Стас продолжал молча смотреть на золотое кольцо, валяющееся на грязном асфальте. Честно говоря, мне было жаль мужика. Вероятно, он сделал какое-то, как говорят французы, «faux pas»[2 - Ложный шаг, то есть неправильное

поведение (фр.).]. Может, завел любовницу, но ведь это не причина, чтобы позорить его при всем честном народе. А Стас был явно супругом Арины, иначе при чем тут обручальное кольцо, брошенное в грязь. Я, между прочим, четыре раза разводилась и не скажу, что процесс расставания приятен. Но мне и в голову не приходило закатывать скандалы на людях, а тут такое демонстративное поведение!

– Девушка, – внезапно обратился ко мне Стас, – не хотите пойти на концерт? Теперь я имею лишний билетик. Или вы ждете кого-то?

– Нет, – улыбнулась я, – просто сижу, наслаждаюсь хорошей погодой. Честно говоря, я совсем не собиралась посещать никакие концерты и не одета соответствующим образом.

– Ерунда, – отмахнулся Стас, – по-моему, вы чудесно выглядите. Так как? Пойдемте, хороший концерт.

– Я не слишком люблю классическую музыку, лучше пригласите вон ту даму, видите, в зеленом платье. Кажется, ей очень хочется попасть на концерт, у всех лишний билетик спрашивает.

– Уж извините, но я не намерен провести два часа возле крашеной мочалки, закатывающей глаза от экстаза. Ну решайтесь! Послушаем музыку.

Я быстро сказала:

– Боюсь, не получится. Невестка с сыном хотели сегодня пойти в гости, мне придется сидеть с внуками.

Стас расхохотался:

– Смешно, ей-богу! Я не сексуальный маньяк, просто приглашаю вас на концерт, потому что моя дама устроила истерику и образовался свободный билет. Я не собираюсь звать вас потом в ресторан или тащить к себе домой. Впрочем, если пожелаете, можем выпить в буфете шампанское.

Я побренчала в кармане ключами.

– Шампанское отменяется, боюсь, в ГИБДД унюхают запах.

– Тогда кофе с пирожными, – улыбнулся Стас. – Ну, пошли.

Но я еще колебалась. Вот так просто отправиться с незнакомым человеком в консерваторию? Ко мне уже давно не пристают на улицах, вернее, и вспомнить не могу, когда в последний раз лица мужского пола проявляли ко мне такой настойчивый интерес.

– Ну, Дашенька...

– Откуда вы знаете, что меня зовут Даша?

Стас удивился:

– Даша? Не знаю.

– Вы же только что сказали: Дашенька...

– Нет, я произнес: душенька. Кстати, ваше лицо мне отчего-то знакомо. Вы не в Мориса Тореза учились?

– Нет, в Инязе.

– А-а-а, значит, точно встречались. Наши мальчики постоянно бегали к вашим девочкам.

– Но это было страшно давно!

– Вы переводчик?

– Была преподавателем, французским владею свободно, немецким – посредственно.

– А у меня арабский и английский. Скорей всего, у нас полно общих знакомых. Вспомнил! Я видел вас на юбилее у Зырянова, в «Праге», на фуршете. Знаете

Лешку?

– Очень хорошо, дружу с его бывшей женой Мариной.

– Ну вот! – обрадованно воскликнул Стас. – Мир тесен, плюнь – и попадешь в приятеля. Ну теперь согласны со мной пойти? Хотите сейчас позвоню Зырянову, и он вам скажет, что Стас Комолов вполне приличный человек? И потом, у меня такое скверное настроение. Сделайте милость, вставайте.

Внезапно я ответила:

– Ладно.

В конце концов, получается, что этот Стас мне и впрямь знаком, вечер тихий, солнечный, на улице тепло, домой ехать неохота... Отчего не сходить на концерт? Если будет очень скучно, то уйду в антракте. И потом, просто жаль мужика, его жена та еще штучка.

Стас ухватил меня крепкой рукой пониже локтя и буквально потащил к входу. Я покорно пошла рядом. Так кролик цепенеет перед удавом и на мягких, подламывающихся лапках приближается к пасти пресмыкающегося.

## Глава 2

Билеты у Стаса оказались не простые, а контрамарки, причем в директорскую ложу. Мы вошли в крохотное помещенье последние и едва успели занять места, как на сцене появилась женщина в черном платье и хорошо поставленным голосом завела:

– Начинаем концерт...

– Совсем не то, правда? – наклонившись ко мне, тихо спросил Стас.

– Что вы имеете в виду? – удивилась я.

Комолов улыбнулся:

– Вы, наверное, и правда редко ходите сюда. В консерватории работала конференсье Анна Чехова, для людей, любящих музыку, ее имя стало символом Большого зала. К сожалению, Анна не так давно умерла, а новая девочка решительно никому не нравится, выглядит отвратительно.

– Вы просто к ней не привыкли.

– Может быть, – пожал плечами Стас.

Мы прекратили разговор, потому что дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл Малера. Никакого трепета или восторга я не испытала и принялась, скучая, разглядывать интерьер.

Годы не властны над Большим залом. Если смотреть вверх, на потолок и стены, то создается полное ощущение того, что в машине времени я перенеслась назад, в славные 60-е годы. Вот я, девочка-школьница, отчаянно пытаюсь зевнуть с закрытым ртом. Сидящая рядом Афанасия толкает внуку локтем в бок:

– Не отвлекайся, они играют гениально.

Я покорно пытаюсь открыть слипающиеся глаза и упираюсь взглядом в сцену. Вид десятка мужчин и женщин, старательно размахивающих смычками, не вызывает у меня никакого энтузиазма, а пианист похож на большую ворону, склевывающую с клавиш крошки. Сзади оркестра высится торжественный орган. От тоски я начинаю пересчитывать блестящие трубы и каждый раз получаю другое количество никелированных железок, их то семьдесят, то восемьдесят две. За этим нехитрым занятием время идет быстрее, и наступает долгожданный антракт. Одна беда, бабушка никогда не ходит в буфет, она предпочитает прогуливаться по фойе.

– Что-то сегодня оркестр не звучит, – прошептал Стас. – Малер слишком шумный, ударные прямо по ушам бьют.

Я согласно кивнула, у меня тоже заболела голова. Пожалуй, в антракте следует с ним мило распрощаться и отправиться домой. Кстати, в директорской ложе оказались не удобные кресла, с мягкими спинками и широкими подлокотниками, а страшно некомфортные простые стулья, покрашенные белой краской. Наверное, считается, что человек, попадающий сюда, настолько увлечен музыкой, что не должен замечать ничего вокруг. Но мне было жестко, а потом заболел позвоночник. Наконец пришло время перерыва.

Дождавшись, пока народ выйдет в фойе, я повернулась к Стасу и уже хотела сказать:

– Простите, мне пора домой, – но увидела его бледное до синевы лицо и испугалась:

– Вам плохо?

– Не очень хорошо, – слабо кивнул мужик, – прямо в глазах потемнело, наверное от духоты. Бога ради, Даша, принесите стакан воды. В буфете небось очередь, тут туалет есть, если выходить не в фойе, а в боковую дверь, можно и из-под крана налить, – и он протянул мне складной стаканчик.

– Сейчас, сейчас, – засуежилась я и выскочила в маленький предбанничек, который отделял директорскую ложу от общего коридора. Наверняка тут имеется капельдинер. Этакая женщина в форменном костюме и с пачкой программ в руке.

В крохотном тамбуре не было никого из лиц женского пола, только у окна стоял мужчина, одетый в темно-синий костюм не слишком хорошего качества.

– Простите, – обратилась я к нему, – вы не видели тут дежурную?

– Хотите программку купить?

– Нет, мне нужна женщина, которая смотрит за порядком в ложе.

– Здесь работаю я.

– Простите, где можно взять воду?

– В буфете.

– Тут где-то есть туалет.

– Вы собираетесь пить из-под крана?!

Я внимательно поглядела на парня. Станный какой, очень бледный, лоб потный, руки дрожат.

– Нет, конечно, просто моему спутнику плохо с сердцем.

Мужчина протянул мне маленькую бутылочку минералки, которую держал в руке.

– Держите, сейчас дам валокордин, он у нас тут на всякий случай рядом. – Не успела я моргнуть, как он сунул мне пузырек: – Вот, пожалуйста.

Я вошла в ложу и спросила:

– Сколько капель вы пьете обычно?

– Обычно я ничего не пью, – попытался улыбнуться Стас. – Здоров, как бык.

Ему явно было плохо. Цвет щек синюшный, на лбу выступили крупные капли пота, глаза обведены черными кругами. Я повертела в руках пузырек.

– Сколько вам лет?

– Больше сорока, а что?

– Просто я слышала, будто количество капель валокордина должно совпадать с числом прожитых лет. Давайте остановимся на четырех десятках?

Стас согласно кивнул и покорно выпил прозрачную пахучую жидкость, а потом залпом опустошил бутылку, на дне осталась пара капель. Я взяла пустую бутылочку, пузырек и вышла в предбанник, чтобы отдать служителю. Но мужчина в синем костюме словно испарился. Тут прозвенел звонок, маленькое пространство мигом наполнилось людьми, народ потянулся в ложу. Я сунула лекарство и пластиковую емкость в свою сумочку, верну капли после концерта, а бутылку выброшу в урну. Пробравшись на свое место, я хотела было спросить у спутника, не стало ли ему легче, но тут грянула бравурная музыка, и я уставилась на сцену. Второе отделение было намного лучше, потому что в нем принимала участие молодая певица с мощным меццо-сопрано. От девушки волнами исходила энергетика, чувствовалось, что она талантливый, яркий человек, поэтому зал замер, изредка взрываясь бурными аплодисментами.

Пару раз я бросала взгляд на Стаса. Наши места были последними в ряду, и мой спутник сидел, привалившись к стене с закрытыми глазами. Лицо его было спокойно, похоже, Комолову стало намного лучше, и он наслаждался чудесным пением. Сейчас, прокручивая назад ленту событий, я искренне удивляюсь: ну почему, увидав его, бледного, с сомкнутыми веками, я не подняла шум? Но справа от меня сидела дама, а чуть впереди покачивалась в такт пению пожилая пара, и все как один с закрытыми глазами. Отчего я не насторожилась, когда в перерыве между ариями Стас не начинал бурно хлопать в ладоши? Ведь зал заходил в овации, но люди, находившиеся в ложе, даже и не думали аплодировать. Наверное, среди тех, кто получает контрамарки в директорскую ложу, считается дурным тоном столь откровенно выказывать восторг. А главное, я не ждала ничего плохого, представьте теперь мое удивление, когда после окончания концерта Стас даже не шелохнулся.

Я подумала, что он все еще во власти мелодии, и тактично подождала пару минут. Но когда ложа опустела, не выдержала и осторожно коснулась плеча Комолова:

– Стас, кино закончилось.

Ноль эмоций. Я ухмыльнулась. Прикидывался ненормальным меломаном, не захотел пропустить концерт даже в день, когда его бросила жена, и, пожалуйста, заснул!

Я потрясла Стаса:

– Просыпайтесь, пора домой.

Ответа не последовало. Тут в ложу заглянула женщина, лет пятидесяти пяти, одетая в темный костюм.

– Прошу вас, – безукоризненно вежливо, но твердо сказала она, – толпа на лестнице рассосалась, можно пройти на выход.

Я улыбнулась:

– Понимаю, конечно, что глупо, но мой спутник заснул, вот я пытаюсь его разбудить.

Служащая мягко улыбнулась в ответ:

– Подобное случается чаще, чем вам кажется. Не так давно, например, один очень большой начальник, депутат из демократов, не стану вам называть его фамилию, заснул в этой ложе прямо во время концерта Плетнева. Представляете, за роялем гениальный пианист, за пультом не менее гениальный Спиваков, а из директорской ложи слышны раскаты молодецкого храпа. Уж жена его толкала, толкала, еле добудилась.

Она помолчала и добавила:

– Вообще принято считать, что интеллигентный человек обязан читать Достоевского и слушать классическую музыку. Но посмотрите в метро, что-то все держат либо Маринину, либо Головачева. А насчет музыки... Знаете, сегодня в этом зале больше половины сидело тех, кто пришел из-за престижности мероприятия. Все-таки Анна Ветрова пела, она редко балует московских поклонников.

– Почему? – удивилась я.

Капельдинерша грустно ответила:

– Московский соловей, так зовут ее в консерватории, давно улетел на Запад. Анечка поет теперь на лучших сценах мира, наше государство не хочет платить

денег талантливым людям, считается, что выступать в Большом зале огромная честь, но ведь людям хочется кушать! Вот и уезжают, кстати, я помню Анечку студенткой, бедной провинциальной девочкой, которая поставила перед собой цель взобраться на вершину музыкального олимпа. Следует признать, Аня преуспела, она фантастически трудолюбива. Талант, конечно, хорошо, только он должен идти рука об руку с усердием. Знаете, сколько я перевидала молодых людей с уникальными задатками, которые исчезли в никуда? Не хотели трудиться и сгинули, а Аня при довольно скромных возможностях превратилась в звезду. Впрочем, извините, разболталась, давайте будить вашего спутника.

Я трянула Стаса. Голова его упала на грудь, тело накренилось, и Комолов рухнул на стулья. Мы с капельдинершей завизжали, на звук мигом примчалось несколько теток, похожих, словно близнецы. Все одинаково причесаны, одеты в темные костюмы и светлые блузки.

Поднялась суматоха, прибыла «Скорая помощь». Врач, разводя руками, констатировала смерть, тут же появилась милиция, меня отвели в довольно просторную комнату, и молодой человек, одетый в джинсы и вытянутую трикотажную кофту, начал устало задавать вопросы. Имя, фамилия, год рождения, местожительство... Я старательно отвечала. Умершего совсем не знаю, зовут его Стас Комолов, в антракте жаловался на плохое самочувствие, накапала ему валокордин.

– Вы носите с собой лекарство? – уточнил дознаватель.

– Нет.

– Откуда тогда капли?

– Дежурный дал, тот, который следит за порядком в ложе, такой симпатичный человек лет тридцати в синем костюме. Он сходил за валокордином и водой. Кстати, вот.

Я раскрыла сумочку, вытащила лекарство, пустую бутылочку из-под воды и стаканчик.

– Хотела вернуть валокордин, но не нашла служащего. Вы же, наверное, станете говорить с сотрудниками Большого зала, передайте в аптечку. А бутылку некуда

выбросить.

Парень ткнул пальцем в футляр из крокодиловой кожи.

– Это что?

Я быстро откинула крышечку.

– Это принадлежит Комолову. Видите, тут небольшой серебряный стаканчик, он помещен в «обложку» и почти герметично закрывается. Очень удобно, выпили, сунули назад в сумочку, и ничего не испачкается, не всегда же можно ополоснуть емкость, в которой был коньяк или кока-кола.

– Однако у них в консерватории дорогие прибамбасики дают зрителям, – протянул мент, – стаканчик серебряный, футляр, похоже, из настоящей кожи...

Я хотела было возразить, что в Большом зале не зрители, а слушатели, но не стала поправлять парня и просто еще раз повторила:

– Стаканчик принадлежит Стасу.

– Он носил его с собой? – удивился милиционер. – Зачем? Ну ладно раньше, когда стаканы граненые в буфетах стояли, но сейчас же кругом одноразовая посуда, за каким фигом лишнюю тяжесть таскать?

Я посмотрела на его потерявшую всякий вид, очевидно, купленную на дешевой барахолке трикотажную рубашку и подавила тяжелый вздох. Имея в друзьях полковника Дегтярева, всю жизнь служащего в органах МВД, я хорошо знаю, какие нищенские оклады получают те, кто борется с преступностью. Ну откуда этому юноше знать об игрушках, которыми балуют себя богатые мужики?

– Понимаете, – осторожно сказала я, – сейчас очень модно иметь при себе наборчик: фляжка, стаканчик и портсигар. Все выполнено в одном духе, обтянуто кожей, гладкой телячьей или фактурной, принадлежавшей при жизни крокодилу или другой рептилии... Ну фенька такая у обеспеченных людей. Еще бывает чехольчик для зажигалки, расчески, очечник и ключница.

Парень кивнул:

– Ясно, кошелек, органайзер...

– Нет, нет, эти вещи, как правило, иные.

– Почему?

Я растерялась:

– Не знаю, так принято. Портмоне должно отличаться от этого набора, а органайзер с собой вообще не носят.

Допрашивающий вздернул брови:

– Да? А как же записать нужную информацию? Мой «склерозник» всегда в портфеле.

– Видите ли, – замямлила я, страшно боясь, что юноша посчитает, что я намекаю на его нищенство, и обидится, – видите ли, в последнее время появилось новое поколение мобильных телефонов, с прямым выходом в Интернет. Кое-кто подключает свои аппараты к компьютеру секретаря и сообщает информацию.

– Это как?

– Ну набирает номер и диктует: «Завтра в десять утра встреча у Ивана Ивановича». Информация попадает на жесткий диск и сохраняется, нет нужды таскать органайзер, достаточно крохотного телефончика.

– Да уж, – хмыкнул парень, – если носишь с собой фляжку, стакан, портсигар, то органайзер точно лишний.

Я не нашлась, что возразить, и спросила:

– Мне можно ехать?

– Да, – сухо бросил юноша. – С вами свяжутся, если понадобится.

– Отчего умер Стас?

– Сейчас невозможно сказать, скорей всего, сердечный приступ, инфаркт, может, инсульт...

Я вышла на улицу и побрела в сторону паркинга. Радужное настроение было напрочь испорчено. До чего хрупка человеческая жизнь. Только что Стас улыбался, наслаждался музыкой, разговаривал, и вот, пожалуйста, не прошло и трех часов, как его неподвижное тело отправлено в морг.

### Глава 3

В Ложкино я ехала, чувствуя себя очень плохо. Болела голова, отчего-то заныл под коронкой давно мертвый зуб, и в довершение всего разыгрался гастрит, заработанный в те времена, когда приходилось бегать по урокам, питаясь бутербродами и печеньем. Мечтая о кровати, я ехала по шоссе и была остановлена инспектором. Высунувшись в окошко, я крикнула:

– Ничего не нарушила, скорость не превышала, в чем дело?

Довольно молодой парень, поигрывая полосатым жезлом, лениво оглядел новенький серебристый «Пежо-206», окинул взглядом меня и ответил:

– Плановая проверка автомобиля.

– Но он новый, куплен недавно, техосмотр пройден, талончик на ветровом стекле.

– Огнетушитель имеется?

Мальчишка явно хотел заработать и искал повод, чтобы «обуть» обеспеченную тетку, которая нагло разъезжает в новехонькой иномарке. Надо было просто

открыть кошелек и дать ему пятьдесят рублей. Но внезапно меня охватила злость. Это с какой стати я должна поощрять разбой на дороге? Между прочим, я совсем не виновата. Ладно бы нарушила правила, тогда и раскошелиться не жаль, но просто так совать наглецу рубли?! Знаю, знаю. Сейчас вы начнете говорить про то, что у сотрудников ГИБДД крохотные оклады и огромные, многодетные семьи, но ведь врачи, учителя, пожарные тоже не могут похвастаться огромными зарплатами.

Я вылезла из машины, открыла багажник и сунула красный баллончик парню под нос.

– Вот.

– Знак аварийной остановки, – мент решил просто так не сдаваться.

Я ткнула пальцем в железный треугольник:

– В наличии.

Скрипнув зубами от злости, гибэдэдэшник велел:

– Откройте капот.

– Не могу.

– Почему?

– Не знаю, как это сделать!

– Но ведь автомобиль, судя по документам, принадлежит вам!

– И что же? У меня нет никакой необходимости лазить в мотор.

– А если сломается?

Я пожала плечами:

– Вызову представителей сервиса «Пежо-Арманд», пусть ремонтом занимаются профессионалы.

Потерпев неудачу, мент отрывисто рявкнул:

– Аптечка.

Я вытащила черный чемоданчик:

– Пожалуйста.

Насвистывая, патрульный принялся перебирать содержимое, неожиданно глаза его радостно блеснули:

– Так! Презервативов нет, беспорядок.

Я взвилась от злости:

– Молодой человек, в силу возраста и положения я не занимаюсь сексом на заднем сиденье. Или вы считаете меня путаной?

– Ну, для работы на дороге вы, пожалуй, старая, – схамил сержант, – но правила есть правила, индивидуальное средство защиты должно лежать между аспирином и валидолом, имеется список лекарств, могу показать! Квитанцию выписывать или как?

Я уже хотела ответить:

– Или как, – но тут же радостно воскликнула: – Погодите!

Через секунду парень уставился на небольшой пакетик и протянул:

– Ага, только что жаловались, что не занимаетесь сексом, а гондон в кармане таскаете!

Я поджала губы. Ну не объяснять же юному наглецу, что днем в кафе вместе со счетом мне подали и пакетик из фольги.

– Мы проводим сегодня день борьбы со СПИДом, – мило пояснила официантка, – это вам в подарок.

Не желая обижать девушку, я сунула в карман «сувенирчик» и благополучно забыла о нем, и вот, пригодился.

– Надеюсь, теперь я могу ехать?

– Нет, – отрезал мальчишка, – презервативов-то нет.

– Ты совсем с ума сошел, – не выдержала я, – а это что?

– Он один, а положено четыре.

– Что?! Сколько?!

– Четыре!

– Офигел, да?

– Я при исполнении, – налился кровью противный мальчишка, – попрошу вас...

– Что ты ко мне привязался, – заорала я, – пока ты тут в багажнике зря рылся, мимо десятки машин пронеслось, и половина из них нарушила правила. Вон, гляди, пересекают двойную, непрерывную осевую...

Но договорить мне не удалось, потому что около поста притормозила машина с европейским номером, из ее недр выбрались две всхлипывающие женщины и направились к нам. Одна из теток держала в руках нечто, оказавшееся при более детальном рассмотрении мертвым ежиком.

– O, das ist so traurig[3 - O, это так грустно (нем.)], – залопотала та, которая держала несчастного ежа.

– So traurig[4 - Так грустно (нем.).], – подхватила другая.

Милиционер уставился на немок, потом растерянно глянул на меня:

– Чего им надо?

Откровенно говоря, никакого желания помогать отвратительному парню я не имела, но меня саму заинтересовала ситуация:

– Погоди, сейчас. Was ist los?[5 - Что случилось? (нем.)]

Фрау затарахтели, как пулеметы:

– Мы случайно раздавили в лесопарковой заповедной зоне на проезжей части это несчастное животное. Ей-богу, не нарочно. Он сам выкатился прямо под колеса.

– Да, – кивнула я, – ежики иногда пытаются пересечь магистраль, ночью их практически не видно, не расстраивайтесь так, проезжайте спокойно.

– Как же! – всплеснули руками законопослушные бюргерши. – А штраф? Сколько положено в вашей стране платить за такое нарушение? На сколько марок выпишут квитанцию?

Я подавила вздох. Действительно, примерно в полукилометре отсюда установлен огромный щит. «Водитель, будь внимателен, ты въезжаешь на территорию заповедной зоны, разведение костров и рыбалка строгойше запрещены». И висит международный знак Гринпис. Только никому из наших людей и в голову не придет подобрать сбитого ежика и обратиться к постовому.

– Сколько денег? – настаивали немки.

– Что они про марки говорят? – насторожился постовой.

– А ты откуда понял, что речь о валюте идет?

– Так в школе дойч учил, – пояснил постовой, – кое-как изъясняюсь.

Узнав, о чем идет речь, сержант нахмурился.

– Так, переведите им, что за это преступление в России грозит тюрьма, но за триста марок я готов тихо похоронить несчастного в придорожной канаве!

– Даже и не подумаю! Как тебе не стыдно!

– Тогда уезжайте!

– Нет. Кстати, ты уже не считаешь отсутствие презервативов столь страшным преступлением, коли отпускаешь меня?

Постовой выругался сквозь зубы и поманил немок. Троица отошла в сторону и принялась размахивать руками. То ли мент и впрямь знал с десятков слов на немецком, то ли бюргерши владели зачатками русского языка, но минут через десять они договорились. Красивые бумажки перешли из кошельков «преступниц» в карман стража порядка, потом начали разыгрываться совсем невероятные действия.

Сержант рысью сбегал в маленький домик, стоявший у дороги, приволок саперную лопатку и мигом вырыл могилу, куда и был уложен несчастный ежик. Немки, утирая слезы, торжественно возложили на крохотный холмик букетик сорванных тут же чахлых темно-синих цветочков, патрульный торжественно снял фуражку. Очевидно, это был единственный еж на территории России, которого хоронила служба ГИБДД. Не хватало только прощального салюта и военного духового оркестра.

С чувством выполненного долга немки влезли в «БМВ» и укатили. Улыбаясь, словно кот, который от души нализался сметаны, мент пошел в будку. Я завела мотор и, не удержавшись, высунулась в окно:

– Эй, погоди!

– Чего надо?

– По-моему, ты продешевил. Мог с них все пятьсот марок содрать.

Патрульный притормозил, на его лице отразилась досада.

– Да? Каким это образом?

– Должен был им сказать, что ежей положено хоронить в презервативах, – с самой серьезной миной заявила я и, не дожидаясь ответа, унеслась.

Дома я рассказала всем о происшествии в консерватории.

– Меня это не удивляет, – пожал плечами Аркадий. – Стоит тебе куда-нибудь пойти, как мигом начинаются неприятности.

– Бедная мусечка, – заорала Маня, – представляю, как ты испугалась! Эх, жаль, дядя Саша уехал!

Действительно, полковника нет. Теперь он живет вместе с нами, в Ложкино, а Аркашка, чертыхаясь, возит его каждое утро на работу. Александр Михайлович машину не водит и учиться ремеслу шофера не собирается. По-моему, он просто боится. Всякий раз, когда я везу куда-нибудь приятеля, он делается меньше ростом, словно усыхает в объеме, и судорожно вздрагивает, если сбоку проносятся машины. На днях мы ехали по МКАД. Сначала Дегтярев стонал:

– Тише, тише.

– Успокойся, – ответила я, – тут нельзя ехать меньше восьмидесяти в час.

– Почему?

– Сметут.

– Ой, тише, – взмолился полковник, – ой, грузовик.

Впереди показался пешеходный переход. Если вы хоть раз оказывались на Кольцевой дороге, то должны знать: перейти магистраль можно, только

воспользовавшись стеклянной галереей, вознесенной достаточно высоко над шоссе. Когда «Пежо» подлетел к такому переходу, Дегтярев мигом наклонил голову. Я чуть не скончалась от смеха.

– Однако у тебя гигантское самомнение! Боишься задеть макушкой сие сооружение!

– Лучше смотри на дорогу, – рявкнул приятель, – не болтай.

Больше всего на свете полковник любит посидеть с удочкой у реки. Есть у него старинный дружок, который живет в деревне, расположенной за Уральскими горами. Глухое место, абсолютный медвежий угол. Водопровода нет, надо таскать полные ведра из колодца, газ привозят в баллонах, сортир и душ во дворе, а электричество отключают с пугающей регулярностью. Естественно, ближайший телефон находится на расстоянии доброй сотни километров, а «Скорая помощь» как раз успеет к вашим поминкам. Но полковнику наплевать на бытовые неудобства. Он согласен спать без белья на твердокаменной лежанке, накрываясь тулупом. Главное, что в этом богом забытом месте растут сплошняком одни белые грибы, в прозрачной речке плещутся рыбы, а на огороде вырастают потрясающе вкусные овощи.

Каждую осень Дегтярев выпрашивает отпуск в сентябре и на двадцать четыре дня отправляется в глушь, в такое место, где жители не запирают дома даже на ночь, потому что преступности в этом регионе просто нет. Да и откуда взяться бандитам? Со всех сторон деревеньку обступает плотной стеной лес, до ближайшего города немереное количество километров по бездорожью, и те, кто живут в покосившихся деревянных домах, знают друг про друга всю подноготную.

Александр Михайлович возвращается оттуда веселым, со свежим цветом лица и бородой. В качестве подарков нам вручаются трехлитровые банки с маринованными грибами и вареньем, связки сушеных боровиков да приготовленные в домашней коптильне рыбины.

– Господи, – стонет полковник, – ну почему я живу не там, а здесь? За что?

Ехидная Зайка не выдерживает и отвечает:

– Потому что это твоя родина, сынок.

Впрочем, Ольга может и не такое сказануть. Вот и сейчас она наморщила хорошенький маленький носик и отрезала:

– Понятно! Вместо того чтобы искать садик для Аньки с Ванькой, ты отправилась шляться по магазинам. Безответственное существо!

Я обиженно пошла к себе и легла в кровать, подпихнув под бок мопса Хуча. Обрадованная собачка мигом принялась облизывать мне руки.

– Ты один меня любишь, – пробормотала я и заснула.

– Эй, Даша, вставай! – раздалось над ухом.

Я села и потрясла головой. Сквозь незадернутые занавески падали лучи солнца. На дворе восьмое сентября, а погода радуется теплом.

– Что случилось?

Растрепанная Зайка приложила палец к губам:

– Тс-с-с.

Я удивилась. В нашем доме никто не соблюдает тишину. Мы громко разговариваем, включаем в любое время телевизор, музыкальный центр или радио.

– Ира! – орет со второго этажа по утрам Маня. – Куда подевалась моя школьная форма?

– Ща принесу! – вопит в ответ стоящая на первом домработница. – Юбку глажу.

В нашем доме всегда шумно, пятеро собак часто затевают возню, а иногда они открывают охоту на кошек и носятся с оглушительным лаем по лестницам и комнатам. При этом многокилограммовые Снап и Банди частенько не

вписываются в повороты и роняют журнальные столики, напольные вазы и пуфики. Поэтому поведение Зайки изумило меня до предела.

– Что произошло?

– Тс-с-с, – повторила Ольга и поманила меня рукой. – Иди сюда, – прошептала она, – только тихо и молча.

Недоумевая, я подошла к окну и выглянула во двор. У входа стоял белый микроавтобус, около которого курили двое молодых людей.

– У нас гости?

– Это милиция, – свистящим шепотом ответила невестка, – приехали тебя арестовывать, у них есть ордер. Эх, Аркашка на работе, мобильный у него выключен, небось с подзащитным разговаривает.

– Меня арестовать? – попятилась я. – За что?

– Небось думают, что ты этого Комолова убила.

– Я?!

– Ага.

– Бред!!! Мы с ним практически незнакомы!

– Тебе надо бежать.

Я посмотрела на Зайку.

– С ума сошла! Куда? От кого? Очень глупо.

Ольга схватила меня за руку.

– Вот, тут я собрала чемоданчик, быстро одевайся и осторожно спускайся на первый этаж, выход на террасу открыт. Шмыгнешь через боковую комнату на шоссе, возьмешь такси, мобильным не пользуйся, его засечь легко, езжай на Курский вокзал, садись в зале ожидания, я потом туда приеду и скажу, где ты будешь ночевать.

Я натянула джинсы, футболку и сердито сказала:

– Что за глупости лезут тебе в голову?

– Не ходи вниз!

– Именно пойду и все выясню.

– Дашка! – вскрикнула Зайка. – Стой!

Но я уже бежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

В гостиной сидели двое мужчин, оба молодые, чуть старше тридцати. Я влетела в комнату и выпалила:

– Это вы собрались меня арестовывать?

Один из парней натужно улыбнулся:

– Нам просто нужно задать вам несколько вопросов.

– Начинайте.

– Для этого вам придется проехать с нами.

– Зачем?

– Надо.

– Хорошо, давайте адрес, сейчас выпью кофе, выгоню «Пежо»...

– Нет, – довольно невежливо прервал меня другой мужчина, – вы поедете с нами и сейчас.

– И не собираюсь, у меня другие планы.

Парни переглянулись.

– Придется их изменить.

– Вы с ума сошли?! Это что, арест? Тогда предъявите соответствующую бумагу и объясните, в чем меня обвиняют.

Внезапно один из парней, одетый в легкую светло-голубую рубашку, довольно зло заявил:

– Мы имеем право задержать вас на срок до трех суток без всяких объяснений и предъявлений обвинения, ясно? Закон один для всех, и для тех, кто, как я, живет с семьей на пятнадцати метрах, и для тех, кто, как вы, обитает в роскошном доме. Нам не хочется применять силу, поэтому собирайтесь побыстрей.

– Дарья Ивановна, – быстро сказал второй мужчина, явно недовольный грубостью своего коллеги, – ей-богу, не стоит волноваться, просто побеседуем немного.

– Почему мы не можем сделать это здесь, в гостиной?

– У нас нет времени, – рявкнул грубиян, – или хотите, чтобы мы вас выводили в наручниках?

– Сережа! – укоризненно воскликнул более вежливый милиционер. – Не волнуйтесь, Дарья Ивановна, он просто неудачно пошутил. Естественно, никаких наручников, съездим, поговорите с разными людьми, и вы, наверное, вернетесь.

Я бросила быстрый взгляд на Ольгу. Мы с Зайкой можем поругаться почти до драки. Зая не выносит курильщиков, и ее раздражает моя манера есть в кровати

шоколадки, а при виде детективного романа она делает такую мину, словно наткнулась в чисто вымытом кухонном шкафчике на таракана. Еще Заюшка недовольна легкомыслием свекрови и критикует мою манеру одеваться, разговаривать, водить машину. Я же в свою очередь не понимаю, как она еще не скончалась, съедая в день по листику салата. Желание похудеть у Ольги трансформировалось в фобию, на весы она вскакивает после каждой еды и хватается за голову. Кроме того, меня просто бесит, когда утром в спальню влетает Ольга, швыряет мне на кровать одежду и приказывает:

– Живо, у меня есть два часа, едем в магазин.

К слову сказать, остальные члены семьи тоже не сахар, и милые вечерние трапезы частенько заканчиваются в нашем доме бурными скандалами.

Но в минуту опасности мы забываем распри и мигом сплачиваемся, понимая друг друга с полуслова и полувзгляда.

– По-моему, тебе надо ехать, – мило улыбнулась Ольга.

– Пожалуй, ты права, – подхватила я.

– Иди переоденься, нельзя же отправляться в домашнем, с ненакрашенным лицом, – лучилась Зайка.

– Вы разрешите переодеться, – обратилась я к ментам, – или потащите меня к машине волоком?

– Только быстро, времени нет, – буркнул Сергей.

– Дарья Ивановна, – покачал головой его коллега, – ну что вы такое говорите! Собирайтесь спокойно, никакой спешки.

– Сейчас велю подать кофе, – засуетилась Зайка, – вы какой предпочитаете, растворимый? Вот тут пирожки с грибами, угощайтесь, угощайтесь!

Она принялась суетливо хлопотать вокруг парней, я выскользнула за дверь.

За свою жизнь я прочитала горы, Эвересты и Монбланы, детективной литературы и сейчас, торопясь в свою комнату, очень хорошо понимала, что Сергей и его коллега разыграли передо мной классическую сценку. Она называется «Плохой и хороший следователь». Сначала на человека налетает наглый, по-хамски разговаривающий грубиян. Естественно, вы не собираетесь беседовать с таким человеком и всячески сопротивляетесь. Атмосфера накаляется, вам грозят тюрьмой, наручниками, расстрелом... И тут в дело вступает другой игрок. Милый, ласковый, интеллигентный.

– Ну что ты делаешь? – укоряет он коллегу и начинает вас утешать. – Не нервничайте, успокойтесь. Хотите воды? Сейчас недоразумение выяснится, и пойдете домой.

Естественно, вы переполняетесь благодарностью и мигом рассказываете «ласковому» дядечке что надо и что не надо.

Добежав до спальни, я схватила небольшой саквояжик, поставленный Зайкой у двери, и бросилась вниз, потом выскользнула через террасу в сад, открыла маленькую калиточку и побежала к шоссе. Сзади раздалось тихое повизгивание и сопение. Я обернулась. Толстенький мопс Хучик ковылял на своих кривоватых лапках с самым несчастным видом. Заметив, что хозяйка остановилась и глядит на него, Хуч сел на объемистую филейную часть и негромко гавкнул. Хучик терпеть не может пеших прогулок, и сейчас он явно ждал, что я возьму его на руки. Следовало вернуться назад и втолкнуть Хуча в дом, но у меня не было на это времени. Сейчас противные менты проглотят кофе, и поднимется дикий скандал, нужно быстро поймать машину. Подхватив собачку, я побежала туда, откуда слышался гул моторов.

## Глава 4

Оказавшись на Курском вокзале, я сдала сумку в камеру хранения и обнаружила, что просто так попасть в зал ожидания нельзя. Пришлось купить билет до неведомого города со смешным названием Разливаево. Держа в руках серо-голубую бумажку, я с полным правом устроилась на жесткой скамейке и призадумалась. Что делать? Если бы Дегтярев сидел на месте, я тут же бы понеслась к нему, но Александр Михайлович удит рыбку и собирает грибочки,

домой ему возвращаться почти через месяц. Ладно, скоро сюда приедет Зайка, и мы совместными усилиями придумаем, как следует поступить. У меня есть приятели в системе МВД, и можно попросить их разузнать, в чем дело. Я уже схватилась за телефон, но потом решила: нет, подожду Ольгу.

Время тянулось будто жвачка. Я купила газеты, прочитала их и чуть не заснула. Часы показывали полдень. В районе двух в душу начала заползать злость: где же Зайка? Она велела мне не пользоваться мобильным, и я послушно не трогала трубку. В пять я достигла точки кипения. Так, противная Ольга не приехала. Передача «Мир спорта», лицом которой является наша Заюшка, выходит в эфир в восемнадцать тридцать, значит, она сейчас в костюмерной, потом ее схватит гример. Раньше восьми вечера нечего и ждать ее на вокзале.

Чертыхаясь, я купила минералки без газа, напоила Хуча, вытащила из сумочки новую Маринину и попыталась сосредоточиться. Получалось плохо. Вокзал не лучшее место для отдыха. Тут и там на чемоданах и узлах спали измученные ожиданием люди, слышался детский плач, через каждую минуту оживало радио, гнусаво заводя:

– Граждане пассажиры, скорый поезд...

В придачу ко всему под потолком висело несколько телевизоров, вопящих на разные голоса. На одном экране мелькали мультики, на другом разрывался эстрадный певец, на третьем шли новости. Скамейка была жесткой, с жутко неудобной, вогнутой спинкой. На такой трудно просидеть больше часа, очень некомфортно. Интересно, кому пришла в голову идея установить такую мебель в зале ожидания? На мой взгляд, сюда бы лучше подошли мягкие, уютные диваны и кресла. От тоски я уставилась на один из экранов. Перед глазами возникла хорошо знакомая заставка. На голубом фоне вертится бело-черный мяч, сейчас появится Зайка и скажет: «Здравствуйте, вас приветствует передача «Мир спорта» и я, Ольга Воронцова».

Прозвучала бодрая музыка, и вместо задорно улыбающейся Зайки передо мной возникло лицо черноволосого, темноглазого мужика, который как ни в чем не бывало принялся читать спортивные новости. Интересное дело, куда подевалась Ольга? Что случилось? Зайка никогда не бросит работу. Она всегда будет вести программу, помешать Ольге не может ничто: ни высокая температура, ни головная боль, ни семейные обстоятельства. Что бы ни произошло, она возникнет в вашем доме в урочный час с обаятельной улыбкой на устах.

– К нам в студию без конца звонят зрители, желающие узнать, куда подевалась Ольга Воронцова, – неожиданно сказал ведущий, – кое-кто высказывает опасения, что она ушла с работы. Нет, Оля готовила сегодняшний выпуск, но провести его ей помешало несчастье.

Я вскочила на ноги. Боже! Что стряслось?

– Примерно около часа дня она попала в автомобильную аварию.

По моей спине потек холодный пот.

– Сразу успокою, – продолжал парень, – угрозы для жизни нет, у Ольги сломаны нога, рука и челюсть. Мы надеемся, что наша всеми любимая ведущая скоро появится и озарит экран своей неповторимой улыбкой. Желаем ей скорейшего выздоровления. А сейчас о матче...

Я плюхнулась на скользкую пластиковую скамью и, забыв о всех предосторожностях, набрала домашний номер.

– Алло! – заорала Ирка.

– Что с Ольгой?

– Ой, ой, ужас, жуть, – запричитала домработница, – слава богу, подушки безопасности сработали, иначе бы погибла...

– Говори по делу.

Ирка затараторила, из ее слов выходило, что Зайка унеслась из дома в начале первого, а около двух позвонила женщина и сообщила, что Ольга Воронцова госпитализирована в Институт Склифосовского. Непосредственной опасности для жизни нет, сломана правая рука, левая нога и челюсть в двух местах. Говорить Ольга практически не может.

– А вас тут ищут, – добавила в конце Ирка, – все звонят и интересуются: «Дарья Ивановна не вернулась?»

– Отвечай всем, что я улетела в Париж.

– Да ну? Вот так внезапно?

– Ира! Говори, что велю.

– Ладно, ладно.

– Теперь позови Аркадия.

– Так он у Ольги! Все дела отложил и в Склиф бросился.

– Хорошо, сейчас ему позвоню.

– Не получится.

– Почему?

– Он со мной только что говорил, предупредил, чтобы мы не волновались, он останется в больнице на ночь, а в реанимации велют мобильный выключать, он там какие-то приборы замыкает.

Я отсоединилась и уставилась на мирно сопящего Хуча. Так, пришла беда – отворяй ворота. Зайка в больнице, Аркадий при ней, Александр Михайлович, ни о чем не подозревая, наслаждается свежим воздухом, а Машка вчера вечером, почти ночью, укатила вместе с теми, кто занимается в кружке при Ветеринарной академии, в Питер, на научно-практическую конференцию. Дети долго готовились к этому событию, клеили какие-то макеты, писали доклады... И что мне теперь делать? Где ночевать?

Пойти к Оксане нельзя. Если меня начнут искать, то первая, к кому придут, будет она. Отправиться в гостиницу? Во-первых, я с Хучиком. Не всякий отель пустит к себе женщину с собачкой, даже такой маленькой и умильной, как мопс. Во-вторых, милиция элементарно вычислит меня, ведь придется показывать портье паспорт. Впрочем, у меня довольно много друзей, так сказать, второй очереди. Мы поддерживаем хорошие отношения, но общаемся редко, попробую-ка обратиться к Ленке Готовой.

– О, Дашка, – заверещала Ленка, едва заслышав мой голос, – сколько лет, сколько зим! Как делишки? Страшно хочется пообщаться, да все недосуг.

– Слышь, Лен, можно мы к тебе придем?

– Прямо сейчас?

– Ну да.

Ленка замялась, потом старательно изобразила радость:

– Конечно, сейчас быстро кексик приготовлю.

– Не суетись, я куплю торт.

– И то верно. А ты с кем? С Маней?

– Нет, со мной Хуч.

– Мопс?!

– Ну и что?

– Нет, ничего, конечно.

– Кстати, можно остаться у тебя на ночь?

– На ночь? – ужаснулась Ленка. – Но в моей квартире повернуться негде. Сама знаешь, только две крохотные комнатенки. В одной мама с Ксюхой, в другой мы с Володькой. Извини, у нас нет огромного дома.

Я повесила трубку. Между прочим, я сама прожила большую часть жизни в блочной «распашонке». Ленка по тем временам частенько оставалась у меня, ей неохота было ехать к матери, которая безостановочно пилила неразумную дочь. Вот она и ночевала в Медведково, да еще не одна, а с Костей, своим первым

мужем, из-за которого ругалась с маменькой. Правда, потом они разошлись, Ленка выскочила за Володьку, но это уже неинтересно. Главное – я никогда ей не отказывала. Более того, Ленка и Костя, как молодожены, ночевали в маленькой комнате, на моем диване, а я ютилась на кухне, на полу, на матрасе, голова под столом, ноги у плиты.

Тяжело вздохнув, я набрала номер Наты Ромашиной. Послышались частые гудки, спустя пару секунд я повторила попытку и услышала тоненький голосок Натки:

– Да ну?

Я хотела было удивиться, отчего она так отвечает на звонок, но не успела, потому что прозвучала следующая фраза, сказанная другой женщиной:

– Вот тебе и ну. Полгода не разговаривали, а потом с бухты барахты звонит и собирается приехать с ночевкой, да не одна!

В ту же секунду я поняла, что Ната беседует с Ленкой Глотовой. Случается такое с владельцами мобильных телефонов довольно часто: пытаетесь соединиться с кем-нибудь и невольно влезаете в чужой диалог. В таком случае я немедленно вешаю трубку, но сегодня молча сидела на скамейке, прижимая к себе Хуча и слушая, как те, кого считала своими близкими подругами, перемывают мне кости.

– Ей башню капитально снесло, – ответила Ната, – живет в своем мире. Прикинь, что моей Люське на день рождения подарила?

– Ну? – жадно поинтересовалась Ленка.

– Духи приволокла. Вернее, набор, пузырек вонючий, браслетик и ожерелье, якобы из жемчуга. Хотя это я зря, жемчуг настоящий. Тут наемдни по Тверской прошвырнулась, зашла в пару магазинчиков, увидела, сколько сей подарочек стоит, и чуть не скончалась. Лучше бы деньгами дала, Люська давно о музыкальном центре мечтает. За каким лядом четырнадцатилетней девке жемчуг с элитным парфюмом? Ва-аще головы никакой нет!

– Она свою дочурку с макушки до пяток брюликами обвесила, – влезла Ленка.

– Так ее Машка отвратительная толстуха, нос картошкой, глазки – щелочки, уши как ручки у кастрюли, – взвизгнула Ната, – ясное дело, надо же женихов приманивать, вот и старается. Да и что ей? Денег немерено, проблем никаких. Вон, видишь, от скуки с идиотским мопсом по людям таскается.

– Знаешь, – засвистела Ленка, – я люблю собак, но мопсы, ей-богу, такие уроды, а этот ее Хуч полный кретин, вечно жрет, морда в крошках, прямо с души воротит смотреть. А она его нацеловывает: «Ах, ах, Хучик, ах, ах, красавец».

– С другой стороны, – ехидно протянула Ната, – кого ей еще любить? Мужика-то нет!

– А полковник? Он теперь с ними живет.

– Да ты что, – воскликнула Ната, – разве не знаешь?

– Нет.

– Ну даешь, все уже и говорить давно на эту тему перестали, а ты не в курсе.

– Ну!

– Он любовник Ольги, близнецы от него. Вот приедешь в гости, приглядишься, просто одно лицо.

– А Аркадий что?

– Ничего, он импотент!

Не в силах больше слушать весь этот бред, я зашвырнула трубку в сумку.

Да, действительно я подарила Люське набор от Шанель. Но за несколько дней до праздника Люся сама позвонила Машке и стала ныть: «Прикинь, какую штуку видела, с ожерельем».

Естественно, Манюня мигом помчалась в магазин и купила набор. У Машки развился комплекс, она чувствует себя виноватой из-за того, что намного богаче своих подруг, вот и пытается изо всех сил исправить несправедливость. К слову сказать, ни Сашка Хейфец, ни Ольга Чалова, ни Катя Иванова никогда не делают никаких намеков и страшно злятся, если Маня пытается купить всей компании билеты в кино, но кое-кто бессовестно пользуется Маруськиной добротой.

И потом, Манюня вовсе не толстая, у нее хорошенькая, свеженькая мордочка с большими голубыми глазами, роскошные белокурые волосы и аккуратный носик. Никаких бриллиантов у моей дочки нет, носит украшения, соответствующие возрасту: серебряные сережки и браслеты, бисерные фенечки, цепочки, кулончик из горного хрусталя. Может, это его Натка приняла за алмазный.

А уж насчет того, что полковник – отец близнецов! Я даже и не предполагала, до какой мерзости могут додуматься люди. Уж скорей Хуча можно посчитать сыном полковника, Анька и Ванька совсем не похожи на Александра Михайловича.

Я сидела на скамейке, отупев от духоты и шума. Мопсы противные? Да мой Хучик красавец! И ему никогда не придет в голову рассказывать мерзкие сплетни!

Ладно, теперь поговорим с Женькой.

– Да, – рявкнул приятель.

– Женечка...

– Ты где?

Я чуть было не сказала: «На Курском вокзале», но неожиданно соврала:

– В пиццерии «Мастер Италияно».

– Это где? – не успокаивался Женька.

– На площади у Курского вокзала.

– Немедленно езжай сюда.

– Почему?

– Сейчас перезвоню.

Я уставилась на пищашую трубку.

Минут через десять прозвучал звонок. Из трубки доносился шум, очевидно, Женя вышел на улицу.

– Немедленно ехай сюда.

– Глагола «ехай» в русском языке не существует, – не утерпела я.

– Послушай, – взвился Женька, – грамотная ты наша! У Лени Максимова к тебе куча вопросов, неприятных!

– Каких, например?

– Стаса Комолова отравили.

Я чуть не упала.

– Да ну!

– Баранки гну! – заорал Женька. – Поднесли мужику лекарство в таком количестве, что хватило бы на половину населения Москвы.

– Как же так? – забормотала я. – Кто? Когда? Мы же два часа были вместе... Что же за отравка такая, которая столь долго действует?

– Очень даже быстро убивает, – отчеканил Женька, – только глотнешь – и пишите письма, он и охнуть не успел.

– Но кто...

– Ты! – рявкнул Женька. – У наших сложилось твердое мнение, что угостила парня ты.

– Я?! С ума сойти. Мы не знакомы совсем.

– А некий Алексей Зырянов сообщил, будто ты со Стасом на его дне рождения весь вечер проплясала и прохихикала, было такое?

Я вспомнила наш разговор со Стасом у входа в консерваторию и растерянно ответила:

– Ну да, вроде мы встретились у Лешки.

– Зачем тогда врешь, что не знакомы?

Я не нашлась, что ответить.

– Уж извини, – злился Женька, – но ты себя так глупо вела... Лучше признаться.

– В чем?!!

– Да все известно! Лекарство в большом количестве попало в организм Комолова во время концерта, а кто принес ему воду?

– Я.

– Еще вопросы есть?

– Женька, – заорала я, – ты с ума сошел? Мы столько лет дружим. Я похожа на убийцу? И зачем мне лишать жизни полужнакомого парня?

– Ты где взяла воду?

– В буфете купила.

– Не ври. Там продавали фанту, колу, шампанское и «Святой источник», а у тебя была «Аква минерале».

– Господи, у меня на нервной почве развилась идиотия! Извини, болтаю сама не помню что. Мне дали бутылку и валокордин.

– Кто?

– Мужчина.

– Какой?

– Ну служащий, в директорской ложе работает, программки продает, за порядком следит.

– Внешность описать сумеешь?

Я призадумалась.

– Достаточно молодой, в районе тридцати, в синем костюме.

– Блондин, брюнет?

– Ну, такой...

– Какой?

– Обычный.

– Цвет глаз?

– Не заметила, но, если увижу, должна узнать.

– Ты его не увидишь, – достаточно жестко отрезал Женька.

– Почему?

– В консерватории капельдинерами работают только женщины.

– Да?

– Да!

– Кто же тогда дал мне воду?

– Дарья, – вздохнул Женя, – ребята установили, что у Стаса Комолова были проблемы с бабами...

– Но он женат.

– С чего ты взяла?

– Разве у Комолова нет жены по имени Арина?

– Он убежденный холостяк.

Я растерянно замолчала, вспоминая элегантное золотое кольцо, сиротливо лежащее на тротуаре. С чего я решила, что оно обручальное?

– Женя, ты знаешь меня много лет...

– Дарья, – прервал приятель, – немедленно приезжай сюда. Есть еще кое-что, свидетельствующее не в твою пользу.

– Что именно?

– Стас имел дело только с богатыми женщинами, бедные его не привлекали. Так вот, он сказал Алексею Зырянову, будто свел знакомство с очень обеспеченной дамой, матерью двух взрослых детей. Женщина живет в загородном доме, у нее куча домашних животных, собаки, кошки... Встречается она с Комоловым тайком, потому что уверена: семья не одобрит ее выбора. Узнаешь типаж?

– Это не я!!!

– Еще Стас сообщил, что мадам ревнива и постоянно устраивает скандалы.

– Это не я!!!

– Но ведь чудо-водичкой Комолова угостила ты.

– Мне ее дали!

– Ага, парень, которого в природе нет. Дарья, я тебя жду. Мы во всем разберемся.

Я сунула телефон в карман. Да уж, старая истина: друзья познаются в беде. Сколько интересного я узнала за последний час! Ленка Глотова и Ната Ромашина на самом деле терпеть меня не могут, а Женька мигом поверил уликам... Ясно одно, домой возвращаться нельзя, и друзей, кроме Оксаны, у меня нет, а ей звонить опасно.

## Глава 5

Я села у окна и стала смотреть на улицу. Прямо перед глазами простиралась площадь. Машины, люди, магазинчики. Справа виднелась вывеска «Пиццерия Мастер Италияно». Может, и правда заглянуть туда, слопать кусок пиццы с сыром и помидорами? Интересно, впустят меня в забегаловку вместе с Хучиком? Впрочем, если суну секьюрити у входа десять долларов, он мигом начнет нахваливать мопса.

Я уже поднялась и хотела идти в харчевню, как на площади начали происходить интересные события.

Оглушительно воя, к пиццерии подлетели две милицейские машины. Парни в форме быстро вошли в закусочную.

Зрение у меня стопроцентное, плавно переходящее в легкую дальноркость, окна в «Пиццерии Мастер Италияно» огромные, отлично вымытые, и было очень хорошо видно, как brave менты проверяют документы у посетителей. Но не у лиц кавказской национальности, коих за столиками сидело довольно много. Нет, на этот раз правоохранительные органы интересовались паспортами исключительно у женщин, блондинок со стройной фигурой, одетых в джинсы и футболку. Таких в кафе нашлось всего трое. Потом патрульные вышли на площадь, коротко переговорили по рации, сели в бело-синие автомобили и уехали, на этот раз без воя и грохота.

Я плюхнулась на скамейку. Вот оно как! Не успела я соврать Женьке, что лакомлюсь пиццей, как он тут же предал Дашутку. Это меня искали сейчас менты. Недаром их интересовали блондинки. Ну Женька, ну гад! И этот человек считался моим другом.

В состоянии шока я повертела в руках мобильный, потом зашвырнула его в урну, подхватила саквояж и велела Хучу:

– Пошли, по залу пройдешь сам, а на выходе возьму тебя на руки.

Мопс послушно затрусил за мной. Я медленно плелась к двери. Значит, меня ищут, к Оксане нельзя, домой тоже. Куда идти? Внезапно в голову пришла отличная идея. Здесь на площади имеется квартирное бюро, можно снять на некоторое время жилплощадь, только небось потребуют паспорт, а мне нельзя его показывать.

Дойдя до двери, я хотела подхватить Хуча, наклонилась и увидела, что собачки нет. Обернувшись, заметила его почти посередине зала. Мопс присел, из-под задних лапок вытекала лужица, а с другого конца помещения спешила к безобразнику женщина в синем халате, со шваброй и ведром.

Испугавшись, что обозленная уборщица сейчас треснет описавшегося мопса палкой, я, на ходу вытаскивая кошелек, побежала назад. К Хучу мы приблизились одновременно, я и полумойка.

– Извините, бога ради, это моя собака, вот, возьмите, только не бейте Хуча.

Уборщица грохнула ведро о пол, устало откинула с лица выбившуюся прядь волос и тихо сказала:

– Мне и в голову не придет стукнуть такое милое животное.

Тетка была по виду старше меня, скорей всего, она недавно справила пятидесятипятилетие. Усталые карие глаза смотрели приветливо, а губы улыбались. Секунду уборщица изучала Хуча, потом сказала:

– Он не виноват, просто обалдел от шума, вон какой бедлам, у меня к концу дня голова кругом идет, чего уж от маленькой собачки хотеть?

И она, наклонившись, погладила пса.

– Вы собачница? – скорей утвердительно, чем вопросительно сказала я.

– И кошатница, – улыбнулась тетка, – впрочем, как говорил Шопенгауэр, чем больше я узнаю людей, тем сильнее люблю собак.

Я уставилась на полойку во все глаза. Та принялась быстро подтирать лужу. Когда кафельная плитка заблестела, я отмерла и спросила:

– Не подскажете, где здесь квартирное бюро?

– Что?

– Ну агентство такое, хочу квартиру снять.

– У вас есть регистрация? Там без нее не примут.

– Я москвичка.

Уборщица вскинула брови:

– Да? Правда?

– Вот, видите, паспорт с постоянной столичной пропиской.

– Почему же тогда квартиру ищете?

– Я была замужем, потом супруг умер, а свекровь велела убираться вон. Жила одно время с сыном, но не заладились отношения с невесткой, разругались вдрызг, вот и оказалась на вокзале вместе с необходимыми вещами и Хучем. Деньги есть, думаю пока снять квартирку, а там разберусь.

Поломойка оперлась на швабру.

– Хотите ко мне поехать? Живу в двухкомнатной квартире, одна, сто долларов в месяц устроит?

– Конечно.

– Еда сюда не входит.

– Естественно, только у меня собака.

– Ну и хорошо, у самой две.

Внезапно свинец в моей груди расплавился и горячим потоком стек в желудок. Дышать мгновенно стало легко, и меня покинуло чувство безысходности.

– Отлично, куда ехать?

– Ты посиди тут еще часок, – сказала уборщица, – сейчас смена закончится, и двинем, кстати, меня зовут Тина.

Дом, в котором мне отныне предстояло жить, выглядел не лучшим образом. Серая пятиэтажка из бетонных блоков, швы между которыми замазаны какой-то черной субстанцией. Ни домофона, ни кодового замка. По узкой лестнице мы взобрались на пятый этаж, и моя хозяйка вставила ключ в замочную скважину.

Я не всю жизнь провела в благополучии, богатство свалилось на нас не так давно. Долгие годы жила в Медведково, именно в таком блочном доме, и сейчас хорошо знала, какой интерьер скрывается за обшарпанной деревянной дверью.

– Входи, – велела Тина.

Я покорно шагнула в крохотную прихожую, споткнулась об обувницу и остолбенела. Из комнаты медленно выходила собака Баскервильей. Огромное серое животное с жуткой мордой.

– Мама, – пискнула я.

– Не бойся, – устало ответила Тина, – знакомься, это Альма.

Чудовище завертело длинным тонким хвостом и издало тихое «гав».

– Он не съест Хуча?

– Альма дама, – засмеялась Тина, – и она обожает всех, жутко любвеобильная особа, а уж по маленьким собачкам прямо сохнет.

– Гав, гав, гав, – донеслось из кухни, и в коридорчик выскочило нечто небольшое, лохматое, остроносое.

Я попятилась:

– Это кто? Крыса?

– Ты что, она же лает! – возмутилась Тина. – Собака, конечно, Роза фон Лapidус Грей.

– Прости, как ты ее назвала?

– Роза фон Лapidус Грей.

– Это порода или имя?

Тина засмеялась:

– Я ее породу точно не знаю, кажется, китайская лохматая ши-цу.

– Первый раз про такую слышу!

– Да какая разница, – отмахнулась Тина, – одна беда, эта мелочь откликается, только если ее называешь полным именем. Станешь орать: «Роза, Роза, Роза», все горло сорвешь, а она даже ухом не поведет. Ну представь, выхожу я во двор и торжественно вопрошаю: «Роза фон Лапидус Грей, ты пописала?» Соседи с ног валятся от хохота.

– Как же тебя угораздило так собачку обозвать?

– Она мне уже с именем досталась, – заявила Тина. – Да тыходи, объясню потом!

Я бочком пролезла в крохотную комнату и ахнула. Все стены были забиты книгами. Полки шли от пола до потолка, а тома в них стояли столь плотно, что не оставалось даже самой малюсенькой щелочки. Вальтер Скотт, Ромен Роллан, Бальзак, Гюго, Золя, Диккенс, Анатоль Франс, Генрих и Томас Манн, Шекспир, Чехов, Толстой, Бунин, Куприн... На самых крайних стеллажах виднелись яркие томики детективов и фантастики. Похоже, тут жил совершенно ненормальный книголюб, скупавший все содержимое лотков и магазинов.

– Твоя комната следующая, – пояснила Тина, – извини, придется через мою ходить, но я работаю сутками, в двух местах, часто сталкиваться не будем.

Я втиснулась в крохотную комнатенку. Именно в такой я прожила много лет и знаю ее размеры: ширина – метр девяносто, длина – два семьдесят пять. В каморке стоял раскладной диван, вернее, софа с подушками, ужасный гардероб, больше всего похожий на поставленный стоймя гроб, и ободранная тумбочка, царапины и потертости на которой чья-то рука аккуратно замазала йодом. Впрочем, в квартире было очень чисто: на полу ни пылинки, занавески хрустят от крахмала, а постельное белье, которое Тина вытащила из шкафа, было безукоризненно выглажено.

Поджидая, пока на газовой плите вскипит огромный, жутковатого вида эмалированный чайник, я пробормотала:

– Похоже, ты не всегда работала полумойкой.

– Правильно, – улыбнулась Тина. – Вообще говоря, я филолог, всю жизнь просидела в НИИ советской литературы, даже кандидатскую защитила, по Серафимовичу.

– Это кто такой?

– А, – отмахнулась Тина, – не забивай себе голову, писатель из соцреалистов, состряпал роман «Железный поток», сейчас про него все благополучно забыли.

– Как же ты оказалась на Курском вокзале?

Тина пожала плечами:

– Обычно.

– А все-таки?

– Когда грянула перестройка, – ответила хозяйка, – многие научно-исследовательские учреждения начали потихоньку умирать.

Да это и понятно. Служба в НИИ была синекурой, особенно в таких, которые не работали на военно-промышленный комплекс или народное хозяйство, а изучали театр, кино, литературу, поведение людей или животных. Сотрудники являлись на службу к десяти, а кое-кто и к одиннадцати, начинали пить чай, кофе, сплетничали... От них требовалось написать в год пару статей для публикации в узкоспециализированных журналах и отчитаться на Ученом совете об изученных книгах. Сами понимаете, такие условия никого не напрягали, и в отличие от учебных заведений тут не было никаких студентов, лекций и семинарских занятий. Раз в неделю сотрудникам полагался «библиотечный день», так что вместо двух выходных у них получалось три. Кстати, и зарплату по советским временам им платили вполне приличную: сто сорок, сто шестьдесят, сто восемьдесят рублей.

Естественно, попасть на такое сладкое местечко было трудно, но Тине повезло, ее пристроил в НИИ свекор, и долгие годы она провела в свое удовольствие, медленно поднимаясь по ступеням карьерной лестницы: лаборант, ассистент, младший научный сотрудник, старший...

Размеренное существование рухнуло в 1984-м. Сначала от инсульта скончался свекор, не успела на его могиле осесть земля, как заболел муж. Супруг сгорел буквально за пару дней от такой «простой» болезни, как грипп. Потом началось стремительное обнищание страны, головокружительный взлет цен, развал экономики, гражданская война... Кому, скажите, нужна в такой ситуации литература, да еще советская? НИИ стал тихо умирать, сначала сотрудников отправили в бессрочный отпуск, а потом и вовсе приказали двигать на биржу. Тина честно отстояла в очереди к наглой молодой девице, которая с кислым видом, словно выдавала деньги из своего личного кармана, оформила пособие и порекомендовала переучиться.

– Рабочих специальностей не хватает, – снисходительно вещала девчонка, – штукатуры, маляры, посудомойки всегда в дефиците.

Но Тине не хотелось бегать по стройке или работать сменами на хлебозаводе. Сначала она пристроилась в ближайшую школу. Директор принял ее с распростертыми объятиями, учителей русского языка и литературы не хватало. Целых два года Тина пыталась полюбить детей. Получалось плохо. Своих отпрысков ей господь не дал, а чужие раздражали до зубовного скрежета: наглые, крикливые, дурно воспитанные, постоянно жующие жвачку. Да еще дети совершенно не хотели ничего читать, с книгами великих писателей норовили познакомиться посредством брошюры «Краткое изложение ста произведений, включенных в учебную программу» и сочинения писали просто ужасающие.

Тина не выдержала и ушла. Затем навалилась новая беда: в груди обнаружилась маленькая, с горошину, опухоль, районный терапевт отправил к онкологу, тот мигом велел ложиться в больницу. Бедной Тине пришлось пройти все круги ада, уготованные таким больным: три операции, лучевая и химиотерапия, гормоны. Дали инвалидность, пенсию в четыреста рублей и сказали:

– Вам нужны витамины, хорошее питание, отдых и положительные эмоции.

Шатаясь от слабости, Тина принялась искать работу, но начальники, завидя ее хрупкую фигурку в парике, мигом заявляли:

– Простите, место занято.

Наше время жестоко. Больная женщина, справившая пятидесятилетие, никому не нужна. Потом подруга предложила ей поработать полумойкой у своей соседки, жены новорусского банкира. Тина недолго колебалась, прожить на четыреста рублей в наше время не сумел бы и отшельник, питающийся сушеными кузнечиками.

Два года Тина бегала по бесконечной квартире, моя полы, драя ванну с унитазами и подбирая вещи, которые повсюду расшвыривала тринадцатилетняя дочь хозяйки. Потом банкир то ли разорился, то ли притворился банкротом, но семья, спешно собравшись, умотала в Израиль. Тину, естественно, не взяли. Впрочем, оставили ей и недавно приобретенную за бешеные деньги собачку Розу фон Лapidус Грей.

У Тины никогда не было животных, но, услышав, как хозяйка, пакуя чемоданы, равнодушно обронила: «Завтра отвезете Розу на улицу Юннатов, ее усыпят», пришла в ужас и попросила:

– Можно я заберу ее себе?

Хозяйка весьма холодно ответила:

– Берите, коли охота с ней возиться.

## Глава 6

Вот так они стали жить вдвоем, впроголодь, не имея возможности купить ничего, кроме крупы, хлеба и кефира. Роза фон Лapidус Грей отощала и стала похожа на четвероногую мохнатую кильку, а Тина превратилась в тень. Радовало только одно: отчего-то перестали болеть послеоперационные швы, успокоился измученный лекарствами желудок, и онколог, к которому Тина

явилась для профилактического осмотра, с удивлением заявил:

– Похоже, была ошибка. У вас нет рака.

– Может, я выздоровела? – робко поинтересовалась женщина.

– Такого не случается, – отрезал «добрый» доктор, – а вот ошибки происходят. Живите и радуйтесь.

Другая женщина, услышав подобное заявление, устроила бы дикий скандал. Как это ошибка? А операции, искалечившие тело? А химия? А лучевая терапия? Но Тина просто ушла. Честно говоря, жить ей совершенно не хотелось. Во-первых, не для кого, во-вторых, незачем. Голодать больше не было сил, бороться за существование – тоже.

На последние гроши Тина приобрела в аптеке снотворное, потом помылась в ванной, высушила волосы феном, постелила новое белье на кровать, надела «парадную» сорочку, положила на стол записку «В моей смерти прошу никого не винить», рядом устроила деньги, собранные на похороны, позвонила одной из своих коллег, попросила: «Зина, приезжай завтра ко мне в гости, дверь будет открыта, звонок не работает», легла на диван, взяла стакан и наткнулась глазами на собачку.

Роза фон Лapidус Грей, очевидно, понимая, что хозяйка задумала недоброе, поставила маленькие лапки на софу и, отчаянно помахивая хвостом, изредка нервно поскуливала.

Тина отставила стакан. Бедное животное ни в чем не виновато, надо отдать его в добрые руки. Отчего-то ей подумалось, что хорошие люди роятся на вокзале. Держа под мышкой Розу, Тина приехала на Курский, и первый, кого она увидела, был мужик, вернее, обрубок, без нижней части тела, сидящий на деревянной подставке. Сама не понимая почему, Тина подошла к парню и спросила:

– Слушай, как же ты существуешь? Неужели никогда не хотел с собой покончить?

Парень поднял глаза и рассмеялся:

– Да ты чего, я семью кормлю, мать, отца и младшую сестру. Им без меня кранты придут. А потом, даже хорошо, что я в инвалида превратился.

– Почему? – совсем растерялась Тина. – Что такого замечательного в твоём положении?

– Все, что господь ни делает, все к лучшему, – философски изрек юноша. – Я до армии идиотом был, только по бабам носился, горело под хвостом, прямо пекло, ни до чего было. А теперь учиться поступил, на программиста. Я тут только днем побираюсь, вечером меня отец на занятия возит.

Тина смотрела на парня, чувствуя, как щеки охватывает огонь стыда. Очевидно, юноша что-то понял. Он улыбнулся и сказал:

– Не дрейфь, выход из безвыходного положения там же, где и вход, не падай духом.

Тина хотела было ответить: «Спасибо», но тут ее глаза наткнулись на объявление: «Требуется уборщица. Работа сутки через трое».

«Какая разница, где мыть полы, на вокзале или у хозяйки», – промелькнуло у нее в голове.

Стакан с растворенными снотворными таблетками она выбросила. Приехавшую назавтра подругу просто напоила чаем. Перед глазами стоял счастливый инвалид, получеловек, содержащий семью и желающий получить образование. Если уж он не пал духом, то ей вовсе стыдно нюнить.

Здесь же, на вокзале, Тина подобрала Альму. Голенастый щенок бегал по залу, изредка заглядывая в урны в поисках объедков. Дежурная по залу велела уборщице вывести животное на улицу. Тина послушно схватила веселую псинку за холку и отвела на ступеньки, ведущие к входу. Вечером, когда она шла домой, к ее ногам с радостным лаем кинулся изгнанный пес. Он явно выбрал Тину в хозяйки. Сидел все время и ждал у двери, потом довел до метро. Собираясь войти в подземку, Тина оглянулась. Собачка стояла, свесив голову набок. Боясь разрыдаться, уборщица уехала. Представьте теперь ее изумление, когда через два дня она нашла четвероногого на том же месте. Отчаянно скуля, двортерьер кинулся к Тине, а потом снова ждал ее у выхода. Ясное дело, она

взяла щенка, назвала Альмой... Из крохотного умильного комочка выросла здоровенная лошадь – зверь неизвестной породы. Альма оказалась умной, интеллигентной, совершенно не шумной. Роза фон Лapidус Грей, не достающая ей даже до щиколотки, полностью держала подругу под каблуком. Она первая подходила к миске с едой, спала на диване и облаивала Альму, если та пыталась устроиться рядом.

Вот так они и жили втроем, Тина, Альма и Роза, пока женщина, решив подзаработать, не позвала к себе меня и Хуча.

Лежа ночью на непривычно узкой, бугристой софе, я не могла заснуть. Господь часто посылает нам испытания, и пройти их надо достойно. Тина не сломалась, не сложила лапки, победила тяжелую болезнь, спасла еще две живых души... Я тоже не имею никакого права падать духом. Остается только одно: самой найти убийцу, лишь в этом случае я смогу спокойно, не таясь, вернуться домой. Похоже, помощи ждать неоткуда.

Утром я едва сползла с неровного лежбища, спина просто раскалывалась от острой боли, противный остеохондроз, поразивший мой позвоночник после того, как я провела ночь не на ортопедическом матрасе, мигом поднял голову. Держась за поясницу, я добралась до кухни и обнаружила на столе записку:

«Ушла на работу, Хуча прогуляла вместе со своими, есть он отказался, чай, кофе и сахар в шкафу, бери, не стесняйся».

Я распахнула дверцы и обнаружила на полочке продукты, которые мы никогда не покупаем из-за их на редкость отвратительного качества: растворимую бурду, производимую в Питере, упаковку чая со слоном и турецкое печенье.

С тоской оглядев несъедобные продукты, я обозлилась на себя, насыпала в кружку ложку мелкого коричневого порошка и принялась ждать, пока засвистит чайник. Избаловалась ты, однако, Дашутка! Подавай тебе только натуральный «Лаватца Оро» и горячие круассаны на завтрак. Забыла, как радовалась в прежние времена, обнаружив в продуктовом заказе к празднику подобную баночку?!

Решив себя наказать, я выпила целых две чашки отвратительного пойла и сгрызла полпачки печенья, сделанного, очевидно, на цементном заводе.

У ножек стола лежал мрачный Хуч. Перед ним стояла полная миска овсянки, сваренной на воде, на скользкой горке лежал кусочек шкурки от «Докторской» колбаски.

Мне стало смешно, ей-богу, мы с Хучиком сладкая парочка. Мопс не выносит геркулес. Съесть эту страшно полезную кашу он может только в одном случае: если ее сварили на крепком мясном бульоне и перемешали с вкусной печенкой или говядиной. Шкурку от колбасы Хуч не воспринимает как лакомство, честно говоря, он ее до сих пор никогда не видел. Я обратила внимание, что ни Альма, ни Роза фон Лapidус Грей, уважая чужую собственность, не польстились на его наполненную миску, и довольно сурово сказала:

– Похоже, милый, тебе придется пересмотреть диету, не могу же я кормить вас, сэр, отборным мясом на глазах у двух интеллигентных собак, считающих за радость получить на завтрак кашу с запахом колбасы?

Хуч вяло чихнул.

– Ничего, – успокоила я его, берясь за телефон, – тебе не вредно поголодать.

– Алло, – завопила Ирка, – слушаю!

– Как дела?

– Хорошо, – невпопад заявила домработница, – можете не привозить белье, хозяйка в Париж усвистела.

Я быстренько отсоединилась. Так, все ясно – в доме милиция, значит, до телефонной книжки мне не добраться. Впрочем, я бы на месте тех, кто занимается расследованием, конфисковала бы блокнот и начала прозванивать знакомых.

Ладно, не стану унывать, я хорошо помню, что Лешка Зырянов работает в Доме моделей у Олега Жердина. Мы с Алексеем вместе учились в институте, правда, он был на курс старше. Потом сталкивались на различных мероприятиях, когда пытались подработать переводами. Леша водил по Москве группы туристов, сидел в международном Шереметьево возле стоек, где работают пограничники,

затем пристроился в издательство, получал разовые, нерегулярные заказы... На заре перестройки он попытался переводить импортные кинофильмы, потоком хлынувшие в Россию, но был быстро затоптан конкурентами. Одним словом, никаких успехов на службе он не достиг. Честно говоря, мне было его жаль. Лешка добрый парень, но немного лентяй, он из тех людей, которые всегда везде приходят на полчаса позже. В начале девяностых Зырянов года на два пропал из поля моего зрения, одно время я считала, что он, поддавшись моде, укатил на ПМЖ в Америку. Но затем Нюша Рукавишникова в день, когда наш бывший курс собирался на ежегодную традиционную встречу, явилась на сходку в сногшибательном вечернем костюме и заорала:

– Глядите, какая шмотка!

– Где взяла? – налетели на нее наши девочки. – Небось целое состояние отдала!

– А вот и нет, – радостно пояснила Нюша, – Лешка Зырянов сшил, он теперь модельер и портной.

Все разинули рты. Информация оказалась правдивой, у Зырянова неожиданно обнаружился талант, из невостребованного, посредственного толмача он превратился в модного завсегдатая тусовок.

Потерзав телефон еще минут пять, я услышала слегка кокетливое:

– Аллоу.

– Можно Алексея Зырянова?

– Он занят.

– А когда освободится?

– Ах, – затараторила девица, – его сегодняшний день расписан по минутам: три примерки, два показа... Алексею Леонтьевичу даже кофе попить и то некогда. Если вы по поводу заказа, то в сентябре он клиентов больше не берет, ближайшее время, когда можете подойти, – октябрь.

Я повесила трубку. Так, значит, Лешка собирается весь день провести на работе, очень хорошо.

Едва переступив порог Дома моделей, вы попали в необыкновенное место, где тучами роятся люди, имеющие нетрадиционный взгляд на многие вещи. Начнем с того, что потолок тут был черным, стены белыми, а мебель красной. Подобное цветосочетание запросто может довести до нервного припадка любую впечатлительную личность, но особа, сидящая за столиком у входа, чувствовала себя вполне комфортно. Впрочем, она сама выглядела более чем оригинально.

Выкрашенные в розовый цвет не слишком густые волосы с правой стороны ниспадали на плечо, с левой они были неровно обрублены на уровне виска, а челка, прикрывавшая узенький лобик, походила на забор бедной крестьянки. Вы понимаете, что я имею в виду, небось не раз видели такие изгороди, в которых колья перемежаются с дырками.

Увидев меня, девушка встала. Я сглотнула слюну. Ростом администраторша оказалась, как Эйфелева башня, а объемом напоминала зубочистку. Тонкая-тонкая, без всяких неровностей и выпуклостей. Я со своим первым размером бюста смотрелась рядом с ней, как Памела Андерсон возле тинейджерки. Но окончательно доконал меня ее костюм, ярко-фиолетовый в зеленую клетку. Ей-богу, приди мне на минуту в голову дикая идея заказать в этом ателье обновку, я тут же бы убежала прочь, увидев эту «красоту» на служащей.

– Вы к нам? – защебетала зубочистка, кокетливо хлопая ресницами.

Очень хотелось ответить: «Нет, хочу купить два кило картошки».

На кретинские вопросы следует давать такие же ответы, но я удержалась.

– Да, где можно найти Зырянова?

– Алексей Леонтьевич в голубой травayne, – ответила девица.

Сначала я не поняла, что она имеет в виду, и чуть было не переспросила: «В каком трамвае?»

Но потом сообразила, о чем идет речь, и с огромным усилием подавила рвущийся наружу хохот. Сущестительное travail в переводе с французского – работа. Человек, плохо говорящий на языке трех мушкетеров, произнесет его как «травай». Следовательно, травайня – рабочая комната. Небось Лешка побывал в Париже, посетил местные точки, где шьют одежду на заказ, и увидел на дверях таблички.

– Алексей Леонтьевич дико занят, – верещала девчонка.

Но я, не слушая ее, уже шла по коридору, разглядывая двери, выкрашенные в разные цвета. Голубая оказалась последней.

Я поскреблась в створку.

– Чего надо? – весьма невежливо донеслось в ответ.

Я пролезла в кабинет.

– Добрый день.

– Сказал же, занят, – рявкнул стоящий к двери спиной Алексей.

– Ая-яй-яй, как грубо, а вдруг я пришла сделать очень выгодный заказ? Вдруг мне требуется сшить целый гардероб: платье, костюмы, пальто и прочее?

Зырянов обернулся и засмеялся:

– Ну, Дашутка, ты-то вряд ли захочешь носить мои модели. Что привело тебя в наши пенаты?

Я поискала глазами свободное кресло, но тщетно: все сиденья были заняты кусками материи, листами бумаги и бобинами с нитками. Лешка миглом сообразил, как поступить. Он сбросил на пол рулон ярко-голубого шелка и велел:

– Устраивайся как дома.

Внезапно мне стало грустно – когда я еще попаду домой.

– Ты слышал, что Стас Комолов погиб?

Алексей кивнул:

– Мне звонили из милиции, а потом приходил дурно одетый молодой человек и отнял кучу времени, задавая идиотские вопросы.

– Чего он от тебя хотел?

– Ну, с кем жил Стас, где работал...

– Ты так хорошо знал Комолова?

Зырянов хмыкнул, вытащил янтарный мундштук, изогнутый самым кретинским образом, выудил из кармана золотой портсигар, вставил тонкую сигаретку в мундштук и спохватился:

– Ты разрешишь?

– Кури на здоровье, если эта фраза не покажется тебе двусмысленной. Так откуда ты знаком со Стасом?

Алешка выпустил струю синеватого дыма и пожал плечами:

– Во-первых, его знали все, во-вторых, он шил тут костюмы, а в-третьих, Стас – это же jet-set. Кстати, хочешь кофе?

Я кивнула и стала слушать, как Лешка деловито отдает по телефону указания в отношении эспresso.

Jet-set! Откройте и перелистайте любой яркий, гляцевый западный журнал, обязательно встретите там это словечко, термин, который изобрел в 70-е годы итальянский писатель Альберто Моравиа. Он назвал таким образом общество людей, жизнь которых состоит в поисках удовольствия. Найти в русском языке

перевод этого слова довольно просто – это «тусовка», намного сложнее обнаружить само явление в нашей действительности. Я встречала в Париже этих людей, богачей, аристократов, плейбоев, авантюристов, охотниц за богатыми муженьками и жиголо. Круг их узок, туда не слишком охотно пускают посторонних. Лето эти люди проводят в Биарицце, осенью встречаются на скачках в Лондоне, весной уезжают в Марокко. Для того чтобы вести такой бездумный образ жизни, необходимо иметь хорошее состояние и соответствующий характер.

Для члена jet-set не составляет никакого труда, позавтракав в Париже, вечером оказаться в Лондонской опере, а ночью отправиться в Мадрид. Более того, если вы игнорируете светские развлечения и не появляетесь «на людях» как минимум пять дней в неделю, вас сочтут в тусовке персоной нон грата и перестанут приглашать на суаре и фуршеты. А для истинного тусовщика нет страшней наказания, чем обнаружить утром пустым поднос, на который кладут конверты с приглашениями.

Впрочем, для того чтобы быть своим в этом кругу, совсем не обязательно иметь в кармане «золотую» кредитку, достаточно появиться на вечеринке в качестве сопровождающего лица кавалера или дамы. Если понравитесь, члены тусовки начнут передавать вас по эстафете. Тут главное – не растеряться и постараться сбегать под венец. Естественно, через пару месяцев последует развод, но тусовка примет вас, и среди ее членов вы найдете второго супруга, третьего, четвертого.

В России долгое время не было по-настоящему богатых людей. Наши тусовщики кочевали с фуршета на фуршет, частенько имея в кармане аккуратно сложенный пакет, куда, оглядываясь по сторонам, сгребали с тарелок пирожки, бутерброды и фрукты. Согласитесь, это не настоящий jet-set, а пародия. Но потом положение изменилось. Сейчас я могу вам назвать с десятков москвичей, ведущих тусовочный образ жизни в европейском понимании этого слова.

– Что, он был так богат?

Любой другой на месте Алешки мигом бы задал вопрос: «А тебе какое дело? Зачем пришла?»

Но Зырянов слишком долго вертится в кругу светских лиц, поэтому самое приятное для него – это посплетничать о ближнем. Схватив крохотуличную чашечку кофе, модельер закатил покрашенные глазки:

– Богат? О, мой бог, он альфонс, жиголо. Хочешь расскажу, каким образом Стасик оказался на плаву? Впрочем, ты не торопишься?

– Абсолютно нет, но мне сказали на входе, будто у тебя несметное количество дел.

– Фигня, – отмахнулся Леша, – до семи я свободен, вечно Лола путает, вот завтра сумасшедший денек, прямо на части разорвут, а сегодня могу слегка расслабиться и получить удовольствие. Стасик – титан.

– В каком смысле?

– В прямом.

– Хочешь сказать, что он силен и благороден, как полубог?

Лешка тоненько захихикал:

– Вовсе нет, просто наш Стас ухитрился превратиться из шестерки в козырного туза. Ну, слушай.

## Глава 7

Откуда Стас Комолов появился в Москве, не знал никто. Просто один раз на очередную премьеру, куда ломанулся весь бомонд[6 - Бомонд – высший свет; в наши дни слово приобрело слегка пренебрежительный оттенок.], Анна Лапшина появилась в сопровождении безукоризненно одетого молодого человека. Народ, собравшийся в зале, глядел в основном не на сцену, а на парочку, устроившуюся в седьмом ряду партера, на самых лучших местах для тех, кто желает посмотреть балет. Анечка только-только отметила семидесятилетие, но после пяти или шести операций, проведенных лучшими

косметологами Европы, дама выглядела максимум на пятьдесят. Злые языки поговаривали, что оборотистые доктора откачали у Лапшиной жир с задницы, а потом нарастили с его помощью бюст дамы. Кое-кто хихикал, видя, как Аня старательно сохраняет на лице серьезное выражение, потому что после всех подтяжек она не могла улыбаться. Некоторые дамы, злоязыкие, как все существа женского пола, ехидно замечали:

– Лапшина, конечно, косит под молоденькую, только, когда она садится, у нее приоткрывается рот.

Если услышавший это заявление человек был простоват, то обязательно следовал вопрос:

– Почему?

И тогда милейшие дамы охотно поясняли:

– Кожи на теле не хватает, все поотрезали и натянули.

Но сколько бы ни капал у сплетниц яд с языков, как бы ни кривились они при виде точеной фигурки Лапшиной, факт оставался фактом: она выглядела неприлично молодо. Еще она страшно злилась, когда кто-нибудь величал ее по отчеству, и, кокетливо протягивая незнакомцам тоненькую ручку с бледной кожей, чирикала:

– Рада видеть вас, меня зовут Анечка.

Лапшина знала, что возраст дамы выдает в основном не лицо, а шея и руки. Поэтому без раздумий согласилась на процедуру сведения при помощи жидкого азота старческих пигментных пятен.

И еще, мужчины, которых Анечка укладывала в свою постель, были молоды, хороши собой и... бедны. Целый год Стас носил за Аней шаль, подавал ей пальто, открывал дверь автомобиля и танцевал на вечеринках. Но потом он, очевидно, надоел Лапшиной, и она передала мужика своей доброй знакомой Элен Войнович. Элен была любовницей Комолова чуть больше месяца, чем-то он не угодил Войнович, и в декабре Стас засветился в консерватории вместе с Ренатой

Горской. С тех пор он то и дело маячил с разными дамами и стал достаточно обеспеченным человеком. Богатые, стареющие тетки делали ему подарки. Одна преподнесла машину, другая квартиру, третья – золотой «Роллекс».

– Он что, не работал? – прервала я Лешку.

Зырянов хитро прищурился:

– А то ты не знаешь!

– Откуда бы?

– Ой, Дашка, – погрозил мне пальцем Леша, – мне-то можешь не врать. Арина все рассказала.

– Кто?

– Да ладно передо мной Ваньку валять!

– Я никого не валяю, просто ничегошеньки не понимаю. Кто такая Арина?

– Сладкова, предпоследняя любовь Стаса, ой, целый роман.

– Почему предпоследняя? – удивилась я.

Лешка ухмыльнулся:

– Сколько мы лет знакомы?

– Лучше не считать, а то у меня испортится настроение!

– Ага, поэтому-то, Дашутка, не надо ничего из себя корчить! Уж мне-то известно, отчего Арина последние два месяца бесится!

– Отчего?

– От того, что Стасик от нее свильнул.

– Куда?

Секунду Зырянов вертел в руках мундштук, потом выпалил:

– К тебе.

– Ко мне! Ты с ума сошел!

– Вовсе нет, Арина мне все рассказала.

– А ты вывалил эту идиотскую версию милиции, ну, знаешь!

Плохо владея собой, я схватила длинную деревянную линейку и со всего размаха стукнула ею о журнальный столик. Раздался сухой треск, и у меня в руках остался неровный обломок.

– Эй, эй, – попятился вскочивший на ноги Зырянов, – ты того, поосторожней, ну сказал, и чего?

– А того, – заорала я, – что из-за твоей идиотской болтовни меня считают той женщиной, которая отравила Стаса из ревности! Ну, быстро выкладывай, что натрепал и отчего у тебя появилась сия кретинская мысль!

Алексей снова плюхнулся в кресло:

– Когда Арина принялась тут сопلي развешивать, я сразу понял, что речь о тебе идет!

– Давай по порядку! Кто такая Арина?

– Сладкова.

– Фамилию я уже слышала. Чем занимается, где живет, давай-давай, выкладывай!

Зырянов забубнил:

– Арина манекенщица, из неудачливых, знаешь, про таких говорят, обе ноги левые. Пойдет по языку – споткнется, платье начнет снимать – и разорвет или каблук у эксклюзивной туфли сломает.

Поэтому карьера у Арины не задалась, ее попросту перестали приглашать на показы, да и кому нужна неуклюжая девица. Затем Арина стала любовницей Максима Реутова, стареющего плейбоя, вернее, плейдеда, позднее пару раз переходила из рук в руки. Особых денег у девицы не имелось, она жила за счет богатых любовников. Один из них и привел девчонку к Лешке Зырянову. Желая «пощипать» своего мужика, Сладкова не растерялась и заказала у Лешки целый гардероб. За время примерок они сдружились, и Арина стала прибегать к модельеру просто так, без всякого повода. Садилась в кабинете и, закинув одну на другую бесконечно длинные ноги, принималась жаловаться на жизнь. Больше всего неудачливой вешалке хотелось выйти замуж за богатого парня. Но судьба, издеваясь, проносила лакомые куски пирога мимо ее носа. Обеспеченные, реализованные, самодостаточные мужики были давно расхватаны другими, а те, что по недоразумению ходили в холостяках, с большим удовольствием проводили с Ариной время. Угощали шикарными ужинами в отличных ресторанах, покупали шубки и колечки, возили в роскошных машинах, но... Но когда им в голову взбрела идея обзавестись супругой, мигом женились не на Арине, а на ничем не привлекательных особах, серых мышках, которые и понятия не имели, какая в этом году обувь в моде и сколько шкурок несчастной норки идет на приличную шубку.

Когда Арину бросила «нефтяная скважина» Сулейманов, девушка только рассмеялась, затем от нее отделился «маргариновый король» Гриша Нефедов. Но и его женитьба на другой не слишком расстроила Арину. А вот когда от нее по очереди отказались телемагнат Базилевич и владелец сети закусочных Ларин, девушка насторожилась. Окончательно испугалась она, когда Никита Сотников, целый год буквально носивший девушку на руках и выполнявший любые ее прихоти, неожиданно прислал письмо. Аккуратно налакированными коготками Арина разорвала конверт, на колени выпали две бумажки. Одна, довольно большая, оказалась купчей на квартиру, вторая, маленькая, розовая, приглашением на свадьбу. Удивленная Арина развернула письмо, сопровождавшее купчую, и похолодела.

«Дорогая Риночка, – было там написано, – довольно долгое время нам с тобой было хорошо, но мама категорически настаивает на моей женитьбе. Приходится подчиниться. В качестве прощального подарка прими, пожалуйста, эту двухкомнатную квартиру. Я взял на себя смелость и обставил ее по своему вкусу, но, если мебелишка и занавески покажутся тебе пошлыми, обратись в салон «Абитаро», они мигом поменяют все по твоему вкусу. Надеюсь, мы останемся с тобой добрыми друзьями, поэтому посылаю приглашение на свою свадьбу».

Вне себя от гнева Арина разорвала письмо в клочки и вместе с бело-розовым прямоугольничком с изображением двух целующихся голубков отправила в мусорное ведро. Купчую, правда, она не тронула. Когда первая злоба прошла, девушка кинулась к телефону и призвала Никиту к ответу. Любовник сначала вяло сопротивлялся, пытаясь свалить все на маму, но Арина резко заявила:

– А то я тебя не знаю! Да хоть сто матушек станет талдычить о женитьбе, ты даже головы не повернешь! Как ты мог так меня обмануть, а? Что за невеста у тебя взялась? Где откопал ненаглядную? Она настолько красивее меня? И вообще, по-моему, твоей суженой считалась я!

– Дура, – неожиданно вскипел всегда корректный Никита, – идиотка! Ну ладно, сама напросилась. Честно говоря, я думал, что, получив квартиру и приглашение, ты воспользуешься моментом и станешь вести себя со мной как друг. Но если хочешь скандалить и выяснять отношения, пожалуйста, скажу правду. Человек моего возраста и положения обязан быть женат, я и так прохолостяковал до сорока лет, и пошли ненужные разговоры, ясно?

– Но я думала, – залепетала Арина, – я полагала...

– Что предложу тебе руку и сердце? – захохотал Никита. – Ей-богу, на самом деле ты еще дурее, чем кажешься! На таких, как ты, не женятся! Сама посуди, зачем мне супруга, которую половина знакомых отымела во все физиологические отверстия, а? Нет, моя милая, вторая половина Никиты Сотникова должна иметь безупречную репутацию, и потом, родятся дети, мне не надо, чтобы они получили со стороны матери набор генов проститутки.

Арина прорыдала два дня, потом съездила на новую квартиру, оглядела роскошно обставленные комнаты и утешилась.

Затем в ее жизни возник Стас. Вернее, они с Комоловым и раньше встречались на различных тусовках, но тут вдруг мужик неожиданно явился на день рождения Зырянова в одиночестве, а Арина тоже пришла без спутника, рассчитывая во время банкета найти замену Сотникову.

Произошло невероятное: Арина, которая, оглядывая мужчину, первым делом оценивала его кошелек, девушка, которая искренне считала, что лучшие цветы – это деньги, избалованная особа, превыше всего ценившая комфорт и благополучие, неожиданно влюбилась. С ее глаз словно слетела черная повязка. Арина, естественно, знала, что Комолов не миллионер. Вернее, кое-кому Стас мог показаться вполне обеспеченным: квартира, машина, дача, туго набитый кошелек... Кое-кто стал бы считать его даже богатым. Кое-кто, но не Арина, привыкшая к роскоши. Но вот удивительное дело, ей было все равно, сколько долларов лежит на счету у избранника. Впервые в жизни Арине расхотелось шляться по ресторанам и кататься ночью на машине. Она даже купила поваренную книгу и старательно приготовила суп.

Стас брезгливо выловил из гущи куски разваренной, слишком крупно порезанной луковицы и сказал:

– С чего тебе в голову взбрела идиотская идея кухарничать? Оставь процесс приготовления еды профессионалам.

Арина закусила пухленькую губку, но в глубине души решила больше не пить противозачаточные таблетки, ей захотелось простого семейного счастья, детей, тихих вечеров на кухне и спокойного супружеского секса. Даже стирка мужских рубашек не казалась ей теперь отвратительным занятием.

– Как она за ним бегала, – закатил глаза Лешка, – это было просто неприлично. Прикинь, носила с собой, как швейцар, маленькую щеточку для одежды. Стоило Стасу скинуть пальто, а девица тут как тут. Ах, ах, дорогой, дай пылинки стряхну. Ну и, думаешь, что получилось?

Я грустно улыбнулась. На мой взгляд, ничего хорошего. Мужики не слишком любят приводить путан, пусть даже и высококлассных, в свой дом в качестве жены, но еще больше представителям сильного пола не нравится, когда им вешаются на шею. Дама, таскающая в сумке одежную щетку и облизывающая языком любовника, не имеет никаких шансов на брак с ним. Хочешь заарканить

мужика – дай ему понять, что он тебе абсолютно безразличен.

– Естественно, – хмыкнул Алешка, засовывая в мундштук новую сигарету, – он нашел себе другую.

Арина прибежала в Дом моделей и залилась слезами у Зырянова в кабинете. Модельер как мог постарался утешить девушку. Через неделю Сладкова вновь появилась на пороге с радостной улыбкой. Новая обоже Стаса оказалась страшно ревнивой особой, и Комолов вернулся к манекенщице. Зырянов помолчал и добавил:

– Стасик играл с ней, как кошка с мышкой. То бросит, то вернется. Арина извелась и даже подурнела. Честно говоря, я был на ее стороне. В конце концов, так себя не ведут, уходя – уходи. И потом, ну зачем Стасу нужна Рина? Он жиголо, жил лишь за счет богатеньких баб, а у этой дурочки в кармане пусто. На мой взгляд, непорядочное поведение.

Я ухмыльнулась. Ну уж, о такой мелочи, как порядочность, никто из альфонсов, как правило, не задумывается.

– И долго они так «любили» друг друга?

Зырянов махнул рукой:

– Целый год. Аришка столько сил прикладывала, чтобы дорогой и единственный был рядом... Но неделю тому назад у нее кончился завод, и будильник любви остановился.

Лешка вытащил из футлярчика замшевую тряпочку, старательно отполировал мундштук и продолжил:

– Она мне все рассказала. Оказывается, Стасик связался с очень богатой теткой, не из наших. Дама крайне редко посещает всяческие мероприятия, живет в загородном доме вместе с взрослыми детьми, мужа не имеет. Всеми делами в ее семье заправляет сын, который категорически запрещает матери вновь выходить замуж, оно и понятно, кому охота дробить семейный капитал. У тетки бездна домашних животных и куча свободного времени. Она влюбилась в

Комолова, словно кошка, и ревнует его по каждому поводу. Примерно раз в неделю дамочка устраивает любовнику дикий скандал с битьем посуды, и Стас убегает к Арине. Но уже через два дня Комолов возвращается, и так все время. Понимаешь, каково приходилось девушке?

– А как зовут эту тетку?

Зырянов поднял правую бровь:

– Да ладно прикидываться. Я сразу понял, о ком идет речь. Загородный дом, дети, куча животных, не ходит на тусовки... Знаешь, передо мной не надо ничего изображать! Между прочим, Арина рассказывала...

Он замолчал и принялся опять полировать безукоризненно блестящий мундштук.

– Что, – прошипела я, чувствуя, что сейчас начнется истерика, – что тебе еще наболтала Арина?

– Да в свой последний визит к ней Стас рассказал, что эта баба выстрелила в него из пистолета. У нее в гостиной выставка оружия, там сыночек коллекционирует стволы, они в доме повсюду, в витринах лежат, на стенах висят. У всех картины, а кое у кого, не станем называть имен, «браунинги», «смиты-и-вессоны», «парабеллумы», «магнумы», «бульдоги»... Едва не прибила Комолова, пуля в сантиметре от его виска просвистела.

– У нас нет коллекции оружия, в нашем доме как раз картины...

– Не знаю, – пожал плечами Алешка, – я у тебя не был, мы вообще ведь последнее время редко встречались.

– Ну ты и дрянь! – заорала я, теряя всяческое самообладание. – Ничего не знаешь, а натрепал глупостей в милиции.

Зырянов поджал губы:

– Охота тебе все отрицать, бога ради, мне, честно говоря, без разницы, убила ты Комолова или нет, в нашем кругу не принято никого осуждать, все-таки мы люди высшего света, сливки общества, но имей в виду, правоохранительные органы грубы и неделикатны. Я бы на твоём месте уехал из Москвы. У тебя же вроде имеется французское гражданство?

– Я не собираюсь никуда бежать и тем самым давать повод думать о моей виновности, наоборот, прямо сейчас поеду на Петровку, пусть допросят эту Арину! В моем доме никогда не было коллекции пистолетов.

– Не делай этого, – покачал головой Алешка.

– Почему?

– Видишь ли, Стас назвал Рине имя ревливой богачки.

– Совсем хорошо, – обрадовалась я.

– Нет, совсем плохо.

– Почему?

– Ее зовут Даша.

Я подскочила на стуле.

– А фамилия? Знаешь, скольких женщин в Москве зовут Дарьями?

– Она мне не сообщила, – пробормотал Зырянов, – имя вот знаю, а фамилию нет.

– Немедленно говори телефон и адрес Арины, – потребовала я.

Выскочив на улицу, я принялась шарить в сумочке в поисках ключей от машины, потом вспомнила, что передвигаюсь теперь на метро, и начала искать телефон. Крохотный аппаратик, как всегда, завалился в самый дальний угол сумочки. Можно сколько угодно класть «Нокиа» наверх, он все равно окажется, когда нужен, в самом низу. Отчаявшись найти трубку, я забежала в ближайший супермаркет, вытряхнула содержимое сумочки на столик, установленный у входа, и обнаружила, что «Нокиа» исчез. Секунду я молча перебирала расческу, носовой платок, пудреницу, губную помаду, две конфетки, паспорт... И только потом до меня дошло. Мобильный лежит на дне урны, стоящей в зале ожидания Курского вокзала. Если кто им и будет в дальнейшем пользоваться, то не я, следует позвонить в Би-Лайн и заблокировать номер.

Часы показывали половину второго. Большинство людей уже отработало полдня и сейчас собираются обедать, но Арина небось еще спит. Особы, ведущие светский образ жизни, раньше трех дня не вылезают из кровати, потом они принимают ванну, делают маникюр. Впрочем, не стоит осуждать подобный сорт женщин, ведь безукоризненная внешность – это их способ заработать деньги. Тело и лицо для них такие же инструменты, как для ударника барабан, а для пианиста рояль.

До метро нужно ехать пару остановок на автобусе, поэтому я остановила бомбиста на раздолбанных, дребезжащих всеми своими частями «Жигулях». Вместо ключа зажигания водитель использовал отвертку, тормозные колодки горе-автомобиля пищали, и в салоне немилосердно воняло бензином. Поэтому, когда мы наконец подъехали к красивой башне из светлого кирпича, меня мутило со страшной силой.

На звонок домофона никто не спешил, поэтому я подождала, пока из двери вышла дама в кожаной куртке, и прошла в подъезд. Вопреки ожиданиям внутри не оказалось лифтера, наверное, жильцы считали, что домофон уберет их от всех неприятностей.

Впрочем, тут царила чистота, слегка пахло хорошими духами и стояла парочка искусственных деревьев в темно-зеленых кадках, а в лифте висело чистое зеркало и не торчали черными обломками подожженные кнопки.

На лестничную клетку выходило три двери, выглядевшие на первый взгляд деревянными, но я знала, что они на самом деле стальные, причем отличного качества. Оксана недавно сделала ремонт и поставила себе подобную. Я

подошла к той, которая была украшена цифрами сто девяносто один, и прикусила губу. Вверху, примерно на уровне моих глаз, красовалась белая полоска бумаги с круглыми синими печатями.

Постояв в задумчивости пару минут, я позвонила в сто девяностую квартиру. Мигом над головой вспыхнул свет, и с потолка прозвучал голос.

– Вам кого?

– Простите, я пришла к Арине, а на двери странная бумажка.

Загремел замок, высунулась дама лет шестидесяти в элегантной светло-бежевой блузке и темно-коричневых брюках. Одного взгляда ей хватило, чтобы определить, сколько стоит мой летний костюм и в каком бутике приобретены туфли и сумочка. Полностью удовлетворившись результатами осмотра, женщина осторожно поинтересовалась:

– А зачем вам Арина?

Я ослепительно улыбнулась в ответ:

– Будем знакомы, преподаватель французского языка Жюли Сезам. Арина подписала контракт и собирается на работу в Париж, вот и решила слегка подучить язык, мы договорились сегодня заниматься, я пришла, а девушки нет.

– Вы француженка? – недоверчиво переспросила дама.

– У меня мать русская, а отец парижанин.

Москвичи любят иностранцев, что, в общем, глупо. В странах Европы преступность ничуть не меньше, чем в России, а в Париже, как и в Москве, хватает наркоманов, готовых ради вожделенного укола или кокаиновой дорожки на все. Но отчего-то, поняв, что видят перед собой гражданина другой страны, вернее, жителя дальнего зарубежья, обитатели нашей столицы мигом отбрасывают всякую бдительность и начинают улыбаться. Причем украинцы, молдаване, грузины и азербайджанцы подобной реакции не вызывают.

– Ах, дорогая, будем знакомы, меня зовут Марианна Максимовна, – затарахтела дама, – так вы не в курсе?

– А что случилось?

– Входите, входите, милая, – засуетилась Марианна Максимовна.

Меня буквально втащили в просторный, обставленный белой кожаной мебелью холл. На диване сидела девочка лет девяти, которая мигом заняла:

– Ну, бабуса...

– Потом, Наточка.

– Ну помоги...

– У нас гости!

– Ну буся!

– Ната, – сердито ответила Марианна Максимовна, – вот придет мама, она и напишет. Я ведь не владею французским.

– Ага, – шмыгнула носом девочка, – мамуся только отругает, а-а-а...

Я выхватила из ее рук до боли знакомый учебник Може и спросила:

– В чем проблема?

– Вот, – всхлипнула девица и ткнула пальцем в упражнение.

Так, понятно, следовало написать вместо точек вспомогательные глаголы. Вообще-то их всего два, «avoir» и «être», то есть «иметь» и «быть», но люди, только начавшие изучение французского языка, частенько впадают в отчаяние, отказываясь понимать, в каких случаях употребляют «avoir», а в каких «être».

– Давай карандаш.

– Держите, – всхлипнула девочка.

Если у Марианны Максимовны имелись какие-то подозрения на мой счет, то они разом все отпали после того, как ее внучка, радостно выкрикивая: «Ну спасибо, вот суперски вышло!» – убежала в детскую.

– А что, если нам хлебнуть чайку? – засуежилась хозяйка. – Надо же, как вы мигом разобрались с грамматикой. Кстати, мы давно ищем для Наточки репетитора. Не хотите походить к нам?

Я улыбнулась:

– Спасибо за приглашение, но я не беру детей, с ними требуется специальная методика, со взрослыми проще. Кстати, занятия со мной дорогое удовольствие, думаю, Арина сама бы не смогла оплатить курс, ей кто-то помог.

– Ах, Арина, – закатила глаза Марианна Максимовна и потянулась к чайнику, – знаете, когда мы покупали эту квартиру, то четко заявили в риэлторской конторе: «Нам нужно элитное жилье, с нормальными соседями». Агент заверил, что нет никаких проблем, мы въехали и обнаружили: дверь в дверь с нами проживает проститутка!

– Арина – манекенщица, – подначила я пожилую даму, – вас, очевидно, ввел в заблуждение яркий макияж и супермодные одеяния девушки.

– Девушки, – фыркнула Марианна Максимовна, – умоляю вас! На этой особе пробы негде было поставить. Домой она являлась, как правило, в пять утра, частенько подшофе, нередко вместе с кавалерами или шумными компаниями. Весь дом спит, а на нашей лестничной клетке кавардак, шум и гам. Как-то раз я ей сделала замечание. Ничего особенного, крайне вежливо. Столкнулась с ней в лифте и попросила: «Уважаемая Арина, не могли бы вы не так буйствовать по ночам. У нас девочка постоянно просыпается».

Арина наморщила хорошенький носик и процедила:

– Квартира моя собственная, что хочу, то и делаю.

– Но лестница-то общая, – нашлась Марианна Максимовна.

– А ты на меня в КГБ пожалуйся, старая жаба, – с милой улыбкой на лице отозвалась Арина...

– Ужасно, – покачала головой пожилая дама. – С тех пор все ее, так сказать, кавалеры и гости стали мусорить под нашей дверью и лепить на нее жвачку. Отвратительно.

Естественно, Марианна Максимовна прекратила всякое общение с Ариной, даже не здоровалась, случайно столкнувшись с наглой девицей на лестничной площадке. Впрочем, и девушка проходила мимо дамы с презрительно поджатыми губами.

Представьте теперь изумление Марианны Максимовны, когда позавчера, где-то около девяти вечера, в ее квартире раздался звонок. Бдительно глянув на экран видеодомофона, дама увидела Арину. Поколебавшись пару секунд, она все же отворила дверь. Арина сделала шаг, вытянула вперед руки, потом пошатнулась, из ее груди вырвался страшный, kloкочущий хрип.

– Что? – перепугалась до обморока Марианна Максимовна. – Господи, Арина!

Но противная соседка, не говоря ни слова, свалилась на пол. Голова с крашеными кудрями оказалась в прихожей у дамы, ноги в шикарных туфлях на элегантной шпильке – у лифта.

Что пережила Марианна Максимовна, не описать словами. Во-первых, боясь, что ребенок испугается, она с трудом запихнула Наточку в детскую, пообещав внучке, что, если та не выйдет, сводит девочку в «Макдоналдс» – отвратительную американскую харчевню с холестериновыми котлетами и пирожками, жаренными на машинном масле. Затем явилась «Скорая помощь», сотрудники которой, разведя руками, констатировали смерть и мигом вызвали милицию. Визит служащих МВД довел Марианну Максимовну до приступа холецистита. Грубые, неотесанные дядьки, которые даже не подумали снять грязные уличные ботинки, вели себя словно хозяева. Громко разговаривали, курили и без конца задавали идиотские вопросы типа:

– Зачем она к вам пришла?

– Ну не знаю, – чуть ли не плакала Марианна Максимовна, – мы практически не общались, в голову не идет, что Арине понадобилось!

Промучив даму несколько часов, милиция уехала, опечатав Аринину квартиру.

Я аккуратно подергала за ниточку пакетик «Липтон» и поинтересовалась.

– И что, она ничего не сказала, просто упала?

Марианна Максимовна тяжело вздохнула:

– Нет, абсолютно ничего.

## Глава 9

Домой я ввалилась около восьми, обвешанная пакетами, словно новогодняя елка игрушками. Когда несколько лет повсюду ездешь на собственном автомобиле, приобретаешь привычку не думать о сумках, просто запикиваешь покупки в мешки и засовываешь в багажник. Но сегодня пришлось тащить тяжести в руках.

Альма и Роза фон Липидус Грей выказали при моем появлении самую бурную радость, которая при виде куска отличной телятины переросла в настоящий экстаз. Хучик вертелся у ног хозяйки, слабо повизгивая, словно говоря: «Мне тут не слишком нравится, хочу домой, в Ложкино».

Я вымыла миски, положила в них парное мясо и угостила собак. Еда исчезла в два счета. Потом я запикнула в шкафчик банку кофе «Лаватто Оро», жестяную упаковку «Липтон», крекеры, насыпала в вазочку конфеты и плюхнулась на софу.

Продавленные подушки моментально разъехались. Пришлось вставать и поправлять их. Кое-как устроившись, я решила поразмыслить над ситуацией, но ноги, отвыкшие от длительной ходьбы по городу, гудели, словно закипающий чайник, глаза начали закрываться, сон подкрадывался неслышным шагом.

Вдруг чье-то тельце шмякнулось мне на грудь, и в ту же секунду по лицу пробежалась мягкая, влажная тряпочка. С трудом разомкнув веки, я увидела прямо перед своим носом улыбающуюся Розу фон Лapidус Грей.

– Дорогая, ты пахнешь псиной. Если желаешь спать со мной, следует помыться. Кстати, где Хучик? Хуч, иди сюда!

Из кухни донесся тихий воющий звук. Испугавшись, что с мопсом стряслась неприятность, я побежала ему на помощь, забыв надеть тапки.

Хуч сидел у мойки, склонив голову набок.

– Что случилось, милый?

Мопс повернул ко мне недоумевающую морду:

– Вау!

– Что тебя так испугало?

– Вау, вау!

– Но тут никого нет.

Вдруг Хучик вскочил и спрятался у меня между ног. Не понимая, что заставило мопса задрожать от страха, я нагнулась и увидела рыжего прусака, преспокойно шевелившего усами на полу перед мойкой.

– Дорогой, это таракан. Понимаю, ты до этого никогда их не видел, но не следует впадать в панику. Эти насекомые, безусловно, противны, но совершенно не опасны. Осы намного хуже.

Хучик, которого в конце августа ужалила в бок оса, коротко взвизгнул.

– Ладно тебе, – рассмеялась я.

И тут в кухню вошла Роза фон Лapidус Грей.

– Вау, – жалобно сообщил Хуч.

Роза глянула на гостя, потом на таракана, потом вновь на мопса, затем подняла маленькую лапу. Бац! Таракан свалился без движения. Роза торжествующе посмотрела на Хуча. Весь ее вид говорил: вот так нужно расправляться с рыжими наглецами.

Хуч разинул пасть. До этого ему никогда не приходило в голову охотиться на насекомых. Впрочем, в доме в Ложкино нет ни муравьев, ни тараканов. Правда, мухи летают, но после того, как мопса ткнула оса, он до паники боится всего жужжащего.

Из-под мойки преспокойно вылез еще один таракан и нагло пополз в сторону холодильника. Я вздрогнула. Странное дело, отчего эти, в общем, совершенно безобидные создания вызывают у людей омерзение и страх. Если вдуматься, это просто нелогично. Прусаки не кусаются, не сжирают продукты до такой степени, как мыши, не могут причинить человеку вред, как крысы, они маленькие, беззащитные, совсем непохожие на саблезубых тигров или рогатых муфлонов. А вот поди же ты, подавляющая часть населения при виде крохотного усача издает вопль и хватается за газеты и тапки. Комара мы спокойно бьем ладонью, а до таракана не способны дотронуться рукой. Чем они нам не угодили? Может, своей живучестью? Наверное, люди просто завидуют, поэтому и пытаются извести всеми доступными способами, а бойкие таракашки живут назло нам. На мой взгляд, отличный пример для подражания. Может, заказать себе печатку с изображением тараканчика и девизом «Меня бьют, а я не плачу»?

Роза фон Лapidус Грей явно не разделяла человеческой боязни к насекомым. Вновь вверх взметнулась крохотная мохнатая лапка. Бац!

Хучик пришел в полный восторг, в такой интересной забаве ему еще ни разу не приходилось участвовать. Мопс очень игрив и дома, в Ложкино, без конца предлагает остальным членам стаи побегать по комнатам. Если Снап, Банди,

Черри и Жюли отказываются принять участие в предлагаемых забавах, Хучик начинает приставать к кошкам, а когда те, шипя, взлетают на книжные полки, мопс принимается хватать домашних за тапки. Хуча переполняет энергия, несмотря на толстенькое, неповоротливое тельце, мопсы очень подвижны.

Но сегодняшний день у Хуча прошел плохо. С утра угостили несъедобной кашей, а потом вообще ушли, бросив одного в чужом доме. Нашим собакам незнакомо чувство одиночества. В Ложкино постоянно есть люди. Даже когда все члены семьи разъезжаются на работу или учебу, в доме остаются кухарка, домработница, садовник. Поэтому собаки не скучают. Очевидно, сегодня бедному Хучику было совсем плохо, но сейчас он оживился и принял боевую стойку.

Из щели между стеной и мойкой показался очередной таракан. Коротко взвизгнув, Хуч долбанул по нему лапой и не попал. Напуганное насекомое с бешеной скоростью кинулось назад, но тут в кухню влетела Альма, и от нехоти решившего прогуляться прусака осталось мокрое место.

Альма глянула на мопса и коротко сообщила:

– Гав.

В переводе на человеческий язык это, очевидно, означало: «Вот так надо».

– Гав-гав-гав, – подхватила Роза фон Лapidус Грей, словно говоря: «Не расстраивайся, научись».

И тут из-под плиты выкарабкался очередной усатый гость. Роза подняла было лапку, но Альма буркнула:

– Вау.

Маленькая собачка отступила и глянула на Хучика, весь ее вид говорил: «Давай!»

– Вау, – приободрила гостя Альма. – «Бей прицельно».

Мопс нахмурился. Бац! Поверженный таракан перевернулся на спину. Хучик осел на задние лапки и завизжал. Так кричит от восторга ребенок, обнаруживший рано утром около своей кровати пакет с подарком, положенный туда просто так, без всякого повода.

Роза и Альма залаяли. Я пошла в свою спальню, оставив троицу охотиться на кухне. А еще некоторые люди сомневаются в разумности собак, считают их чем-то вроде оживших плюшевых игрушек. Да они умнее многих представителей человеческого рода. Только что на моих глазах Роза и Альма обучали Хуча замечательной игре и полностью преуспели. Из кухни периодически доносилось счастливое повизгивание мопса, мерные шлепки и короткий лай «педагогов».

В дверь позвонили около четырех утра. Я села на софе, спящая у меня на груди Роза фон Лapidус Грей свалилась на пол, но тут же вскочила и, оглушительно лая, бросилась в прихожую. Я, зевая, выползла в большую комнату. Тина подняла растрепанную голову:

– Звонили?

– Ага.

– Кто это?

– Понятия не имею.

– Может, соседям соль понадобилась?

– В четыре утра? – хмыкнула я.

– Не открывай, – испугалась Тина, – вдруг бандиты.

– У тебя дома спрятана парочка миллионов?

– Нет, – пробормотала Тина, – откуда им взяться, но все равно страшно, сейчас народ за копейку удавит.

Мы вышли в коридорчик, я глянула в «глазок», увидела две маленькие фигурки и крикнула:

– Вам кого?

– Открой, Валечка, – донесся снаружи женский голос, – это я, Галя.

– Какую-то Валю ищут.

– Меня по паспорту Валентиной зовут, – пояснила Тина, – ладно, давай откроем, все-таки там бабы, не мужики.

Я хотела было возразить, что женщины бывают иногда более опасны, чем лица противоположного пола, но ничего не сказала и открыла дверь.

На пороге стояли женщина и подросток.

– Валюша! – воскликнула баба и повисла у меня на шее. – Сколько лет, сколько зим, а ты не изменилась, все такая же.

Я попятилась в глубь квартиры, пытаюсь оторвать от себя тетку, отвратительно воняющую потом и немытой головой. Но гостя цепко держала меня, и вырваться удалось только после того, как она наградила «Валечку» слюнявым поцелуем. Едва выпутавшись из ее липких объятий, я попала в другие. На этот раз мне на шею кинулась молоденькая девица, по виду чуть старше Машки.

– Тетя Валя, – взвизгнула она, – ну клево, наконец-то встретились!

Слава богу, от нее только одуряюще пахло жвачкой. Оттолкнув девчонку, я резко сказала:

– Ошибочка вышла. Ваша обожаемая тетя там.

На секунду девица оторопела, потом спросила:

– Да? А вы тогда кто?

Я хотела было ответить: «Жиличка», но выражение глаз Тины заставило меня сказать совсем иное:

– Ее сестра, Даша.

– Дашенька, – завопила старшая гостья и вновь повисла на моей шее, – прости, перепутали, да и немудрено, похожи-то как! Прямо одно лицо!

Я прикусила нижнюю губу, старательно сдерживая хохот. Тине, очевидно, тоже стало смешно, потому что она закашлялась. Женщины терпеливо ждали, пока хозяйка перестанет давиться. Наконец Тина справилась с приступом и пробормотала:

– Уж извините, не припомню вас никак, откуда мы знакомы?

– Тиночка, – взвизгнула старшая, – я – Галина Протопопова.

Судя по лицу моей хозяйки, эти имя и фамилия ей ни о чем не говорили.

– Аллочку узнаешь? – тарахтела Галя. – Впрочем, небось нет. Да и неудивительно. Когда в последний раз виделись, ей и годика не было, а теперь вон какая выросла, в институт поступает.

Тина помолчала и решительно ответила:

– Никак не вспомню.

Галя всплеснула руками:

– Господи, неужто я так изменилась? А Володя-то где? Или спит?

– Мой муж давно умер, – пояснила Тина.

На глазах у Гали появились слезы.

– Скажи пожалуйста! Такой молодой, вот горе, вот горе.

Не слишком чистой рукой она расстегнула допотопный ридикюль, вытащила оттуда мятый донельзя, устрашающе огромный клетчатый носовой платок и принялась причитать, старательно вытирая глаза:

– Ну несчастье, золотой человек был мой двоюродный брат. Как же так! Вот горе.

– Так ты дочь Елены? – догадалась наконец Тина.

– Да, – радостно взвизгнула Галя, – узнала? А то я уж взгрустнула, неужто так постарела, что и опознать нельзя?

– Мы же с тобой только на моей свадьбе и виделись, – протянула Тина, – сколько лет-то прошло, целая жизнь, где же узнать!

– А ты все такая же, – льстиво сообщила Галя, – и сестричка твоя не изменилась.

Тина хмыкнула:

– Чего по ночам в гости ходите?

– Так только с поезда.

– С какого?

– Ну, Валюша, – заголосила Галя, – или позабыла, мы же с Узловой, в Тульской области проживаем, не москвичи, вот, поезд прибыл в два, на такси разориться пришлось, метро уже не везло, целых сто рубликов отдала, не копеечку.

– Так вы в гости, что ли? – дошло наконец до Тины.

– Скажешь тоже, – фыркнула Галя, – зачем бы нам без дела по железной дороге кататься да деньги тратить!

– Может, у вас отпуск? – невпопад влезла я.

– Мы люди простые, – занудила Галя, – полуграмотные, отдыхать возможностей не имеем, чай, не москвичи. Коли выдается пустая минутка, на огород идем, сорняк полоть, а то он всю морковь со свеклой задушит.

– Так чего явились? – отбросив всякую вежливость, поинтересовалась Тина.

Галя принялась снимать разбитые, не слишком чистые туфли.

– Так Алка поступать в институт решила.

– В какой? – изумилась я. – Сентябрь на дворе, вступительные экзамены давным-давно закончились, учебный год начался.

– Это на дневном, – пояснила до сих пор молчавшая Алла, – а я на заочное хочу, в педагогический.

– А-а-а, – протянула Тина, – ясненько.

– Между прочим, – по-хамски заявила я, – на период вступительных экзаменов любой вуз предоставляет иногородним общежитие.

– Э, – отмахнулась Галя, – небось и было такое при советской власти, только теперь за все платить требуется. Месяц нам с Алкой в столице жить придется, и по пятьсот рубликов с носа отдать надо, вместе целая тыща выходит, это ж какие деньги. Вот, подумали...

Я перестала вслушиваться в ее торопливую речь. Все понятно. Сама очень часто оказывалась в Тининой ситуации. Кое-кто не желает тратиться на гостиницу и сваливается вам на голову. Правда, в Ложкино у нас двухэтажный дом, комнат в нем предостаточно, и незваные гости не слишком обременяют, но в крохотной хрущобе?!

– Вы очень рисковали, – заявила я, глядя в простовато-хитрое, крестьянское лицо Гали, – а если бы Тина переменила место жительства? Вдруг бы ее не оказалось по старому адресу!

– Так ведь вот она, – парировала Галя, – чего зря говорить. Ты нас где устроишь?

– Идите в комнату, – безнадежно ответила Тина, – сейчас подумаем, как быть.

Распространяя удушливый запах пота, Галя с Аллой вошли в «зал» и мигом заорали:

– Ой, мамочка!

– Это наши собаки, – быстро сказала я и с надеждой осведомилась: – Может, у вас аллергия на шерсть? Тогда никак нельзя тут оставаться.

– Мы здоровы, – отбила удар Галя, – как ломовые лошади, просто испугались от неожиданности. У нас у самих собака была, Диком звали, во дворе бегала.

– Ее папка спьяну трактором задавил, – пояснила Алла.

Галя бросила на дочь быстрый взгляд.

– Так не нарочно же, Дик сам виноват, видел же, что хозяин не в себе, убежал бы подальше, а он под гусеницы полез. Ладно, дело давнее, а спать-то мы как будем?

Я наклонилась к Тине и шепнула:

– Может, их в маленькую комнату поселить, а мы с тобой тут перекантуемся?

– Еще чего, – прошипела Тина, – ты, между прочим, деньги за отдельную площадь заплатила. Койка в общем зале тридцать баксов стоит. Ничего, на полу полежат, родственнички фиговы.

## Глава 10

Утро началось с бурного лая Хуча.

– Тише ты, – шипела Тина, – давай, гулять пошли.

Но мопс упорно гавкал, глядя на храпящих на полу Галю и Аллу.

– По-моему, они ему не слишком нравятся, – зевнула я, выходя в прихожую, – оставь, сейчас выйду с псами.

– Так я оделась уже, а ты голая, – улыбнулась Тина.

Я вошла в санузел, сшибла локтем рулон туалетной бумаги, стоящий на бачке, стукнулась другой рукой о ванну, уронила полотенце, потом опустила крышку и села на унитаз. И как поступить? В голове вертелась только одна версия: Стаса убила любовница, та самая ревнивая особа по имени Дарья, которая уже, по словам Зырянова, стреляла в Комолова из пистолета. И где прикажете ее искать?

В полной тоске я принялась вертеть в руках непонятную пластмассовую конструкцию с зеленой кнопкой, пальцы сами собой нажали на дно, послышалось шипение, резко запахло сладким – неизвестная вещь оказалась освежителем для туалета, стреляющим струей ароматизированного воздуха.

Я поставила дезодорант на бачок. Минуточку, Лешка уверял, что старший сын дамы коллекционирует оружие, якобы все стены в загородном доме увешаны пистолетами, ружьями и прочей стреляющей атрибутикой. А вот это уже ниточка, за которую можно потянуть. Я вскочила с унитаза и, забыв умыться, рванулась к телефону. Олег Назаров, вот кто мне сейчас нужен.

Году этак в 93-м Олег, тогда простой компьютерщик, додумался торговать такой несерьезной вещью, как галантерея. Нитки, иголки, тесьма, пряжа для вязания, пуговицы, кнопки... Начинал с крохотного лотка. Отработав день в своем НИИ, Олег ехал домой, прихватывал раскладной столик и устраивался в подземном переходе у метро. Иногда его прогоняла милиция, но чаще всего удавалось распродать товар. Потом он съездил в Германию и приволок оттуда несколько сумок фурнитуры, особенно хорошо пошли особые термостойкие картинки. Их не надо было пришивать, аппликацию требовалось просто прогладить горячим утюгом, и она «налипала» намертво на ткань. Копеечная детская футболочка, украшенная таким образом, смотрелась просто восхитительно, и товар разлетелся вмиг. Олег скумекал, что напал на золотую жилу, и велел своей жене

Надьке собираться в путь. На этот раз, в четыре руки, они приволокли шесть под завязку набитых баулов, наклейки в них были не только детские. Олег прихватил рокерский «репертуар» и то, что пришлось по вкусу тинейджерам. Вот так завертелся бизнес.

Сейчас у Олега парочка больших магазинов и куча выносных ларьков, торгующих у метро. Но меня он интересует не как удачливый бизнесмен. Назаров обожает оружие, даже собрал небольшую коллекцию. Правда, его приводят в восторг только старинные образцы: всякие дуэльные пистолеты, мушкеты, винтовки с шомполом – в общем то, что давным-давно не используется по прямому назначению, а служит украшением музейных экспозиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См.: Донцова Дарья. За всеми зайцами. Издательство «Эксмо».

2

Ложный шаг, то есть неправильное поведение (фр.).

3

О, это так грустно (нем.).

4

Так грустно (нем.).

5

Что случилось? (нем.)

6

Бомонд – высший свет; в наши дни слово приобрело слегка пренебрежительный оттенок.

----

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/benefis-martovskoy-koshki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)